Жаклин МОНСИНЬИ
ЗЕФИРИНА

Жаклин Монсиньи

Божественная Зефирина

Серия «Зефирина», книга 1

OCR & SpellCheck: Larisa_F
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=328632
Монсиньи Ж. Зефирина. Роман в трех книгах. Книга 1. Божественная Зефирина: Крон-Пресс; Москва; 1994
ISBN 5-8317-0088-7

Аннотация

Жаклин Монсиньи – одна из наиболее популярных французских писательниц, пишущих в жанре исторического романа.

«Зефирина» – самое известное произведение писательницы.

Главная героиня трилогии – Зефирина де Багатель, очаровательная девушка, волею судьбы втянутая в зловещую интригу. Действие романа происходит во Франции и Италии в XVI веке.

Содержание

ПРОЛОГ 4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 9
ГЛАВА I 9
ГЛАВА II 13
ГЛАВА III 18
ГЛАВА IV 22
ГЛАВА V 25
ГЛАВА VI 30
ГЛАВА VII 36
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 42
ГЛАВА VIII 42
ГЛАВА IX 46
ГЛАВА X 50
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Жаклин Монсиньи
Божественная Зефирина

ПРОЛОГ
НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

На широкой кровати под кружевным балдахином глубоким сном роженицы спала красивая молодая женщина. Умиротворенная улыбка озаряла нежное лицо, обрамленное рыжими волосами с медным отливом, которые пенились, будто самый игристый сидр.

В колыбели с золочеными фигурками и короной над изголовьем тем же мирным сном, что и его мать, спал ребенок, все еще связанный с ней невидимой пуповиной.

В высоком каменном камине тлел дубовый ствол, бросая красноватые отблески на гобелены, украшавшие стены комнаты. За окнами в эту ночь 1 апреля 1509 года ярилась снежная буря.

В деревенских хижинах сервы и вилланы[1] весело отмечали при свечах Новый год[2], так хорошо начавшийся, несмотря на стужу и непогоду. Иначе и быть не могло – рождение первого ребенка в замке Сен-Савен предвещало празднества и увеселения, а также многие щедроты со стороны хозяина.

Церковный колокол пробил час ночи. Топот лошадей, промчавшихся галопом по старому подъемному мосту, долетел до башни Трех голубок, где почивала молодая женщина.

Еще не вполне проснувшись, она пошевелилась, а затем открыла глаза, более зеленые, чем изумрудный медальон, висевший у нее на шее. Это было странное и великолепное украшение, с которым она никогда не расставалась. На конце очень длинной цепочки из тончайшего золота, разделенной на пятьдесят пластинок, усыпанных драгоценными камнями, сверкал огромный изумруд величиной с орех, перевитый оправой в виде змеи с человеческой головой.

– Роже… – вздохнула прелестная юная мать, улыбаясь своему счастью.

Ей было двадцать лет, и самый прекрасный кавалер при дворе был ее мужем. Первенцу, которого она только что произвела на свет, предстояло возглавить длинную вереницу детей, чьи звонкие голоса вскоре оживят аллеи парка, окружавшего старинный замок ее предков.

Лошадиный топот постепенно стихал, удаляясь по направлению к Блуа.

Молодая женщина потянулась на своем ложе, словно мурлыкающая кошка. Она знала, что Роже вместе с верным оруженосцем Ла Дусером покинули дом, невзирая на поздний час, дабы немедленно известить их величества о рождении ребенка. Вне всякого сомнения, уже завтра утром король Людовик XII и королева Анна Бретонская лично навестят свою дорогую крестницу Коризанду.

Глаза у нее слипались, и она смежила веки, готовясь снова заснуть, как вдруг зловещий скрежет, исходивший от очага, заставил ее поднять голову. Перемычка тяжелого, сложенного из камней, камина, казалось, дрогнула.

Думая, что это ей чудится, молодая женщина торопливо поднесла тонкую руку ко лбу. Быть может, у нее начался жар? Но нет, кожа была столь же свежей, как июньский персик. В тишине, обволакивающей будто вата, едва нарушаемой потрескиванием тлеющего дерева, камин раскрылся, и резные львы, стоящие по бокам, сдвинулись с места. Коризанду била

[1] Серв – крепостной; виллан – свободный крестьянин (здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. перев.).

[2] Новый год 1 января стали отмечать только с 1564 года, по указу Карла IX, внука Франциска I (прим. автора).

дрожь, кровь ее застыла от ужаса. Не в силах шелохнуться, парализованная страхом, она даже не подумала дернуть шнур звонка. Словно птица, зачарованная змеей, несчастная смотрела на черную тень, возникшую из зияющей дыры. Бесшумно скользя по полу, призрак приблизился к кровати под балдахином и слегка приподнял закрывавший его лицо черный капюшон.

– Ты… ты… – прошептала молодая женщина, не веря своим глазам.

– Да, Коризанда… Я позабочусь о тебе… Сначала о тебе… Потом о НЕМ.

Прошептав эти слова и быстро взглянув на колыбель, призрак вытащил из длинного рукава позолоченный пузырек. Быстрым движением он снял колпачок и, прежде чем молодая женщина успела поднять руку, чтобы защититься, окропил ей лицо и уши маслянистой жидкостью.

И под спокойным взглядом призрака произошло ужасающее превращение. С губ Коризанды сорвался невнятный стон, прекрасное лицо, искаженное от боли, сморщилось и вспухло, глаза, вспыхнувшие внезапным огнем, вылезли из орбит. Она хотела закричать, позвать на помощь – но внезапно отяжелевший и переставший ворочаться язык не дал ей произнести ни слова.

– Спи… спи спокойно, моя дорогая Коризанда.

Призрак ухмыльнулся и сорвал с шеи своей жертвы медальон с изумрудом.

– О, наконец-то! Наконец-то ты мой! – прошептал демон, целуя огромный камень, а затем, не обращая больше внимания на конвульсии несчастной женщины, распростертой под роскошным балдахином из кружев и парчи, обернулся к резной колыбели. Над ребенком Коризанды нависла зловещая тень.

Появившийся из камина человек распахнул черный плащ и вытащил белый сверток, который столь походил на другого младенца, что можно было обознаться. Призрак приготовился положить его на место новорожденного, в кроватку с короной. Будто почуяв опасность, новорожденный в своей колыбели начал испускать пронзительные крики.

Тотчас же раздался звук торопливых шагов по плитам коридора.

У призрака было время только на то, чтобы проскользнуть за шелковую драпировку в свободное пространство между кроватью и стеной. Дверь отворилась и в комнату ворвалась крепкая краснощекая женщина в белом чепце, с грудью, распиравшей зашнурованную блузу.

– Маленькое сокровище уже проголодалось… Ах, боже мой, госпожа маркиза, что с вами? – вскричала кормилица, испуганная внезапным изменением, произошедшим с ее госпожой. Она уже хотела бежать за помощью, но Коризанда, собрав всю свою энергию, уцепилась за нее своими пылающими от жара руками.

– Она… Это она… Спаси мою Зефирину… Спаси ее… – едва смогла произнести несчастная, чье искаженное мукой лицо покрывалось фиолетовыми пятнами и распухало на глазах.

– Малышка чувствует себя хорошо, она как раз хочет пить, госпожа маркиза… Это вы, Пресвятая Дева, это вы! – лепетала, заикаясь, Пелажи. – Ах! Бертиль… Бертиль… Ради Святого Маглуара, где ты? Иди скорей…

Ложным образом истолковав отчаяние, которое заволакивало уже померкшие глаза бедной Коризанды, славная женщина вырвалась из судорожных объятий и побежала к коридору, в растерянности не заметив зияющей дыры в камине.

Путь был свободен. Черный призрак выскочил из своего укрытия и вновь склонился над колыбелью.

– Малышка?.. Так значит, ты – девочка? Проклятый скорпион… Это все меняет…

Медлить было нельзя. Торопливые шаги по плитам доносились из комнаты стражи. Не теряя более времени, призрак запахнул плащ, спрятав свой сверток в белых пеленках, и исчез в черной дыре.

В следующую секунду резные львы вновь тихо заняли свое место, и даже самый искушенный глаз не смог бы заметить наличие тайного механизма.

Ученые люди: врачи, аптекари и даже деревенские знахари, – призванные маркизом к изголовью его нежной супруги, объявили, что они бессильны. Они считали, что маркизу де Багатель по неизвестной причине поразила «болезнь опаленных»[3] – прискорбный недуг, который обычно свирепствовал в самых бедных лачугах. Никто не подумал о яде. Кому могла понадобиться смерть кроткой маркизы?

Через два дня после этой трагической ночи прекрасная Коризанда угасла в полном безмолвии, не приходя в сознание; лицо ее было изуродовано и покрыто странными гнойниками.

Только в тот момент, когда священник в последний раз благословил бренные останки, было замечено исчезновение драгоценного медальона.

Стремительно проведенное следствие очень быстро свелось к обвинению двух женщин, которые постоянно прислуживали маркизе. Кормилица Пелажи и служанка Бертиль были строго допрошены оруженосцем маркиза; обе все отрицали, крича о своей невиновности в этом злодеянии.

К несчастью, один из садовников замка, папаша Коке, нашел медальон, вскрытый и выпотрошенный, в соломенном тюфяке Бертиль. Напрасно бедная девушка вопила, рыдала и клялась Иисусом Христом, что она невиновна, – никто не хотел ей верить, и протесты только ухудшили ее положение.

Ее схватили и бросили в подземный застенок. Королевский прокурор собирался подвергнуть ее пытке, чтобы заставить не только признаться в совершенной краже, но и раскрыть, что же она взяла из медальона, прежде чем приказать колесовать ее до смерти на деревенской площади. Тогда серв Генноле, отец Бертиль, чьи предки вот уже двести лет были крепостными на землях замка, бросился в ноги маркизу.

Удрученный горем Роже де Багатель не захотел еще более омрачать эти ужасные дни. В сущности, что значило для него это украшение? К тому же оно было найдено. Маркиз, таким образом, удовлетворился тем, что выгнал Генноле с дочерью-воровкой на дорогу, еще покрытую льдом в эту позднюю весну. О, страшная весна! Если бы маркиз подумал о последствиях! Какой-то странствующий монах нашел в десяти лье от замка, на замерзшем берегу королевского пруда, труп Генноле, полусъеденный волками. От несчастной Бертиль не осталось ничего, кроме клочка юбки из голубой саржи.

У маркизы Коризанды, богатой наследницы огромного состояния, не было родных, кроме сводной сестры Генриетты, незаконнорожденной дочери ее покойного отца, графа де Сен-Савена. Роже де Багатель туманно припоминал, что видел во время чудесной помолвки с Коризандой высокую черноволосую девушку со строгим лицом под капором, но больше он ее не встречал. Эта набожная девица думала только о молитвах и о спасении души. В то время, когда состоялась свадьба ее сестры, она добровольно заточила себя в монастырь Сен-Савен, став в нем настоятельницей. Этот монастырь был великодушным даром Коризанды.

Накануне похорон посланец маркиза отправился верхом в монастырь, чтобы предупредить затворницу о постигшем ее горе. Рано утром он вернулся со странным известием: аббатиса Генриетта де Сан-Савен исчезла 29 марта. Сестры-монахини полагали, что она утонула в реке во время паводка.

В парке замка Сен-Савен был воздвигнут надгробный памятник в виде ангела из белого мрамора, и Роже решил впредь навсегда покинуть эти проклятые места.

Молодой маркиз обосновался в маленьком поместье Багатель, в окрестностях Амбуаза. Удалившись от ставшего для него зловещим королевского двора в Блуа, он сблизился

[3] Болезнь, вызванная отравлением спорыньей (прим. перев.).

с наследником престола Франциском Ангулемским, герцогом Валуа. Время не смягчило горечь утраты. Он не желал видеть ребенка, который, по его разумению, стоил жизни его дорогой супруге. Одна лишь славная Пелажи с неустанной преданностью заботилась о маленькой девочке. Зефирине было два года, когда она случайно познакомилась со своим отцом. Обладая уже тогда большим чувством независимости, Зефирина ускользнула из-под бдительной охраны своей кормилицы. Маленькими семенящими шажками, путаясь в длинном платье из льняной египетской ткани с вышивкой в виде кистей розовой сирени, она шла по опушке леса в сопровождении своего друга – большого пса Балтазара. Внезапно звук хлопающих крыльев заставил ее поднять глаза к вершинам столетних вязов. Какая-то мощная хищная птица с гигантским по сравнению с ростом ребенка размахом крыльев парила прямо у нее над головой. Хищная птица, казалось, колебалась; затем она, ловкая и быстрая как молния, спикировала прямо к Зефирине, в то время как трусливый Балтазар, испугавшись страшного противника, поджал хвост и спрятался в кустах боярышника.

Оставшись в одиночестве перед соколом с жестокими глазами, который только что сел у ее ног на каменистой дороге, Зефирина, не сознавая опасности, лепетала:

– Холосенькая птицка…

Она гладила своей тоненькой ручонкой голову хищника, очень удивленного тем, что не внушает страха.

Лошади, пущенные галопом, быстро мчались по сырой земле и подлеску. Должно быть, охота была очень оживленной – два всадника, выскочившие из леса, разом спрыгнули со своих покрытых пеной лошадей.

Раздался свист, следом за ним – резкий приказ:

– Сюда, Коннетабль!

Один из охотников протягивал свою кожаную рукавицу, утыканную острыми шипами. Сокол, покорный и, возможно, разочарованный, взмахнул крыльями, чтобы вернуться на руку своего хозяина. Последний тотчас же набросил черный колпачок на голову хищной птицы. Приняв эту меру предосторожности, он наклонился с высоты своего роста к Зефирине.

– Уф, с ней все в порядке… Ты знаешь, кто этот ребенок, Багатель? – спросил молодой человек, обернувшись к своему спутнику.

– Хм… Я думаю, что это моя дочь, монсеньор, – ответил Роже с очень смущенным видом.

– Ты думаешь… Какой странный отец… Ты не очень испугалась, малышка?

Прижавшись к мускулистой ноге дофина, ставшего на колени перед малюткой, Зефирина мурлыкала, как заблудившийся котенок. Она с интересом рассматривала безбородое и безусое лицо Франциска де Валуа, затем легонько провела пальчиком по его длинному орлиному носу, заявив с очень довольным видом:

– Ты красивый… Дофин звонко рассмеялся:

– Клянусь красной чумой, эта малышка уже умеет разговаривать с мужчинами.

Не только юный принц был очарован. Умиленный, покоренный и внезапно пришедший в восхищение маркиз лишь сейчас заметил, что со своими большими изумрудными глазами и рыжими кудрями девочка была живым портретом прекрасной Коризанды. Но в отличие от нежной матери и несмотря на доброе маленькое сердечко, Зефирина обладала диковатым и вспыльчивым характером, которым она, видимо, была обязана далекой молдавской прародительнице, чью героическую историю любил рассказывать Роже: эта юная амазонка, оставшись одна в своем замке на Дунае, обратила в бегство тридцать турецких янычар!

Пелажи часто приглядывалась к своевольному ребенку, и под чепцом на лбу у нее появлялась тревожная морщинка, ибо славная женщина не могла забыть ту трагическую ночь.

Она все время пыталась понять своим трезвым крестьянским умом последние слова бедной госпожи: «Она… Это она… Спаси мою Зефирину, спаси ее…»

В святую Пятницу[4], перед причастием, Пелажи, не сдержавшись, открылась кюре из Амбуаза, который посоветовал ей превозмочь боль воспоминаний и рассказать обо всем маркизу де Багатель.

Набравшись храбрости, Пелажи постучала в дверь комнаты своего господина. Роже ее внимательно выслушал, затем обхватил голову обеими руками:

– Не думай об этом больше, Пелажи, моя супруга бредила. Кто может желать зла нашей маленькой Зефирине? Готовятся большие события. Битва, которая может стать решающей для судьбы нашей страны, неизбежна. Новое блистательное правление скоро изменит наши судьбы. Мою дочь ждет прекрасное будущее, – добавил Роже де Багатель, глядя сквозь тонкие планки оконного переплета на беззаботного ребенка, игравшего под старыми дубами парка.

И действительно, казалось, что Зефирину вела за собой триумфальная звезда, поднимавшаяся на небесном своде, чье стремительное восхождение не смог бы остановить ни один человек на земле.

[4] Святая Пятница – пятница накануне Пасхи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
САЛАМАНДРА

ГЛАВА I
ИЗБАЛОВАННАЯ ДЕВОЧКА

– Она пытается убежать!

– Если ты ошибаешься, она умрет, – прошептала Зефирина тоненьким взволнованным голоском.

– Уверяю тебя, что нет! Папаша Коке сказал, что она обладает волшебной силой. Если у нее отрезать голову или лапки, они отрастают; даже глаза у нее восстанавливаются, а если она замерзнет во льду, ее можно отогреть на снегу. Тс-с! Смотри, Зефи…

Юные заговорщики опустились на колени прямо на утрамбованную землю, чтобы наблюдать как можно ближе это зрелище. Странное существо, похожее на ящерицу с гребешком на спине, размером не более ладони, крутилось на месте, окруженное со всех сторон горящей соломой, очень неосторожно подожженной под крытым гумном.

Разумно и терпеливо бедная саламандра безнадежно пыталась найти выход. Не найдя его, она, казалось, внезапно смирилась и поняла, что только храбрость может помочь ей выбраться из этого отчаянного положения. Долгая дрожь прокатилась волнами по ее черной блестящей спине, а золотистая кожа на ярко-желтом, почти оранжевом брюшке опустилась до самых задних лапок.

– Хватит, Бастьен, она сейчас лопнет! – вновь заговорила Зефирина, словно загипнотизированная языками пламени.

Не отвечая, Бастьен схватил свою подружку за руку, с силой сжав ее пальцы. Устав от попыток найти выход, маленькая саламандра стала сопротивляться огню. Под действием страха ее тело покрылось чем-то вроде пота: капельки густой жидкости вытекали из крохотных бородавочек; затем саламандра собралась с силами…

Кусая губы, Зефирина вонзила ногти в мозолистую руку своего товарища по играм. Маленькая саламандра двигалась теперь прямо к огненной преграде. Защищенная жидкостью, стекавшей по ее коже, она прошла через огонь, а затем поспешно убежала, даже не взглянув на своих мучителей, скрывшись в благодатной сырости рва, протянувшегося вдоль конюшен.

– О, Бастьен, она действительно погасила пламя на своем пути!

Большие зеленые глаза Зефирины блестели на маленьком треугольном личике.

– Ты видела, Зефи, это, конечно, волшебство!

Дети смотрели друг на друга, восхищенные чудом, свидетелями которого стали; они не обращали внимания на огонь, уже подобравшийся к охапкам соломы.

Одна из лошадей, почуяв дым, тревожно заржала. Снаружи раздались крики:

– Святой Хризостом, это на конюшнях!

– Бегите быстрее, папаша Коке!

– Матерь божья, это гумно!

– А где же дети?

Услышав эти вопли, Бастьен и Зефирина одновременно подняли головы.

– Беги, спасайся, Зефи! – закричал Бастьен, торопливо обрывая шнурки на своем колете из овечьей шкуры.

Мальчик храбро бросился вперед, опередив свою подружку, чтобы потушить пожар.

Зефирина поднялась с колен. Однако не в силах двинуться с места, почти парализованная, она стояла неподвижно, зачарованная огнем, уже лизавшим края ее фланелевых юбок.

– Боже милостивый! Что они еще натворили?

При этих словах на Зефирину со всего маху обрушилось целое ведро воды. Промокшая до нитки, ослепленная и задыхающаяся девочка почувствовала, как крепкие руки папаши Коке увлекают ее наружу. Она оказалась перед конюшнями в объятиях толстой Пелажи.

Три обезумевших от страха конюха уже выводили бьющих копытами лошадей.

– Горе ты мое, горе! С тобой ничего не случилось, мое сокровище? Ах, Господи! Меня ноги не держат! – говорила, запинаясь, Пелажи, ощупывая тело Зефирины под корсажем, дабы удостовериться в том, что девочка жива.

Папаша Коке уже возвращался. Он тащил на спине отбивающегося Бастьена, в то время как Ипполит и Сенфорьен, лакеи маркиза, заливали гумно водой из водоема, где водились карпы.

В кратчайший срок всякая опасность была устранена.

После пережитого страха раздались охи и ахи, и затем пришла пора дать нагоняй виновникам. Все кричали одновременно:

– Устраивать такие глупости!

– Вас бы нужно посадить на хлеб и воду!

– Да мы же не нарочно! – протестовал Бастьен.

– Это был «опыт», – серьезно объясняла Зефирина.

– Маленькие негодники, вы же могли сжечь всю округу!

– О, Святой Блез, в такой день, как сегодня! – смахнула слезу Пелажи.

– Пела, мы только хотели посмотреть, правда ли, что «саламандры» на самом деле волшебные, как нам говорил папаша Коке, – надулась Зефирина.

– Волшебные!.. – перекрестилась Пелажи. – Замолчи, мое сокровище, и не повторяй больше это слово!

Уперев руки в бока, Пелажи обратила гнев на папашу Коке, повернувшись к нему своим тучным телом, а папаша Коке, совершенно сконфуженный, не смел поднять глаз.

– И вам не стыдно рассказывать подобный вздор детям!.. – Пелажи понизила голос. – Колдунов сжигали за менее серьезные вещи, старый вы безумец! Идите, беритесь каждый за свою работу! – добавила почтенная домоправительница властным тоном. – Вы не закончили украшать дом. Через два часа все должно быть готово, я приду проверю. Бастьен, ты сейчас поможешь Ипполиту и Сенфорьену, потом отправишься спать и не увидишь шествие; это будет тебе в наказание, шалопай… Что же до тебя, мое сокровище, в хорошеньком же ты виде… Поди сюда, я тебя умою… А твои волосы!.. Клянусь Святой Женевьевой, вы только посмотрите.

Не переставая ворчать, Пелажи сняла белый чепчик с головы Зефирины. Волна кудрявых, непокорных волос, таких же рыжих, как заходящее солнце, рассыпалась по плечам маленькой девочки.

А та, к большому удивлению всех, позволила себя увести, не особенно протестуя, но последовала за Пелажи с одной оговоркой, заявив очень отчетливо:

– Я не хочу, чтобы ты меня умывала! Или не наказывай Бастьена… И еще я хочу, чтобы он был со мной на балконе, когда мы будем смотреть, как проедут папа и Франциск…

– Иисусе, надо говорить его величество или король! – оборвала ее возмущенная Пелажи.

– И я хочу надеть мое красивое серебряное платье! – продолжала Зефирина, не смущаясь.

– Хочу, хочу… Нехорошо семилетней девочке так говорить…

– Я уже большая!

– Ну, я бы этого не сказала! Клянусь Святым Маглуаром, я спрашиваю себя, что сделал бы господин маркиз, если бы узнал обо всех глупостях, что проделала его дочь, пока он сражался вдалеке и, да славится Господь в этот день славы, выиграл для нас войну.

И с этими словами Пелажи трижды размашисто перекрестилась.

– Да, но ты не сказала, что ты позволишь Бастьену пойти со мной! – вновь заговорила Зефирина, на которую явно выраженная набожность Пелажи не произвела никакого впечатления.

– Посмотрим, посмотрим…

Продолжая ворчать, но отложив на потом решение судьбы своего племянника, Пелажи поигрывала своим серебряным кошельком, висевшим на поясе. Этот кошелек вместе со связкой ключей, также прицепленной к поясу, был неоспоримым знаком доверия, которым почтил ее маркиз де Багатель, назначив перед отъездом на войну своей домоправительницей. Зефирина успокоилась потому что знала по опыту: «посмотрим» означает, что ей удалось взять верх.

Два рослых плотника прибивали самые красивые гобелены из зала для приемов на стены главного двора.

Зефирина собиралась войти в особняк следом за Пелажи, пройдя под лоджией, где была установлена конная статуя, изображавшая Эжена Артура де Багателя, одержавшего победу над сарацинами в битве при Сен-Жан-д'Акр, когда ее остановил чей-то надтреснутый голос:

– Подайте милостыню… Хлеба… К вашим добрым сердцам, благородные дамы… – уныло тянул нищий со следами оспы на лице.

Бедняга прислонился к косяку широко открытого портала. Культю, обмотанную грязными тряпками, он протягивал к Зефирине.

– О, Пела, дай мне экю для этого бедняги! – с мольбой сказала Зефирина, потрясенная этим столь характерным для парижских улиц, зрелищем, к которому она была непривычна.

Еще два месяца назад малышка жила в прекрасной долине Луары. Лаконичное послание от маркиза, в котором он приказывал открыть парижский особняк для празднования победы, заставило Зефирину и всех людей Багателя, от конюхов до самого младшего поваренка, покинуть поместье в Турени. Сначала на плоскодонной барже они поднялись вверх по Луаре, затем, совершая короткие переходы в портшезе, юная дикарка и ее воспитательница, в сопровождении небольшой свиты примерно из тридцати человек, ехавших на мулах и ослах, без всяких затруднений добрались до столицы.

Каждый день умненькая живая девочка то приходила в восхищение от парижских улиц, то проникалась сочувствием к судьбе несчастных нищих.

– Целый экю! – возразила Пелажи, с сожалением развязывая один из кармашков своей бездонной юбки. Клянусь Святым Крепи, вот один соль, и я еще великодушна, хватило бы и одного денье, а еще лучше был бы хороший удар палкой.

– Злая жадюга…

Зефирина, завладев своим оболом, уже бежала к бедному нищему. Здоровой рукой оборванец тотчас же сунул монетку из красной меди в карман.

– Да благословит вас Господь, благородная девица. Чтобы я мог зажечь свечку перед Святым Экспедитом, думая о вашей милости, не назовете ли вы мне ваше благородное имя? – спросил он плачущим голосом.

Пелажи хотела помешать девочке ответить, но славная женщина весила теперь, должно быть, не меньше ста восьмидесяти фунтов, не была столь быстра, чтобы вовремя оказаться у подъезда.

– Зефирина, Зефирина де Багатель… мой папа возвращается с войны. Он один атаковал сто ландскнехтов и опрокинул триста лучников, – с большим удовольствием начала объяс-

нять Зефирина. – Его спутники падали вокруг, но мой папа, которого защищает моя мама на небесах, остался в седле, и король его назначил…

Раздраженный голос Пелажи прервал этот словесный поток.

– Довольно, Зефирина, мы опаздываем… Обиженная девчушка не шелохнулась. Пелажи настаивала:

– Если не пойдешь сейчас же, не сможешь выйти в должном виде на балкон.

Это было волшебное слово. Подражая взрослой женщине, внезапно вспомнившей о делах, она церемонно простилась со своим собеседником. Уже очень женственная, она грациозным движением приподняла свою юбочки, и бегом припустилась к своей кормилице, стоявшей посреди двора.

Упреки не заставили себя ждать.

– Ты не должна разговаривать с незнакомыми людьми!

– Я не должна разговаривать с рогоносцами! – стала напевать Зефирина. Она взбиралась, прыгая на одной ножке, на пятнадцать ступеней главного крыльца, сложенного из черных и розовых кирпичей.

– Пресвятая Дева! Кто тебя этому научил? – задохнулась Пелажи.

– Не скажу…

– Ах, ты злюка… Раз так, я одевать тебя не буду, причесывать не буду тебя, и ты останешься у себя в комнате!

Видя сердитое выражение лица Пелажи, Зефирина поняла, что перешла границы дозволенного, и вернулась назад, чтобы броситься на шею своей кормилице:

– Я больше не буду так говорить, Пела, обещаю!

Раскаявшаяся Зефирина покрыла поцелуями славные красные щеки той, что заменила ей мать. Как можно было сопротивляться? Однако Пелажи помедлила с полминуты прежде, чем сдаться.

– Хорошо, хорошо, мое сокровище… Давай, иди скорей.

В то время как успокоенная и беззаботная Зефирина входила в особняк, Пелажи машинально обернулась, чтобы бросить последний взгляд на обновленный двор.

– Добавь посеребренных гирлянд вокруг пилястров, Сенфорьен! – приказала Пелажи, указывая на легкие каменные колонны, расположенные вдоль фасада здания и украшенные резьбой в арабском стиле.

Она удовлетворенно улыбнулась. Господин будет доволен. Двор блистал.

Нищий, оскорблявший своим присутствием это место, благополучно ретировался от портала, и Пелажи могла видеть, как он, прихрамывая, направляется в сторону моста у ворот Сен-Дени.

Домоправительница пожала плечами:

– Я становлюсь старой дурой. Везде мне чудится недоброе. Эта малышка… Такая большая ответственность… К счастью, господин маркиз возвращается.

И славная женщина успокоившись, вошла вслед за баловницей в вестибюль, выложенный голубой фаянсовой плиткой.

ГЛАВА II
ТРИУМФ

В этот день, 5 октября 1516 года колокола громко трезвонили. Бейте, барабаны! Пойте, флейты! Звените, трубы!

Из ста восьмидесяти тысяч парижан, населявших этот славный город, не было ни одного, который бы не высовывался из своего окна или не стоял там, где проходил кортеж, чтобы приветствовать столь долгожданное возвращение юного короля – победителя гельветов[5].

С момента восшествия на престол Франциск I сначала попытался мирным путем вновь захватить герцогство Миланское, утраченное Людовиком XII, очаровав швейцарцев, истинных хозяев этой страны. Несмотря на многократно повторенные предложения о союзе, «господа-конфедераты», как их называли, решительно отвергли четыреста тысяч экю золотом, предложенных королем Франции в том случае, если они вернутся в свои горы и кантоны.

Обеспокоенные слишком большими аппетитами молодого Франциска I, король Испании Фердинанд и старый император Священной Римской Империи Максимилиан Австрийский подстрекнули швейцарцев к бескомпромиссной борьбе. Уверенный в своем праве, Франциск I собрал войска и перешел через Альпы. В день, когда ему исполнился двадцать один год, он во главе своих всадников атаковал и опрокинул швейцарскую армию, поддержанную австрийскими, испанскими и венецианскими союзниками.

Уже вечером следующего дня, 14 сентября 1515 года, битва при Мариньяно, эта «битва гигантов», как говорил простой люд, стала легендой.

На балконе, обтянутом переливающимся шелком, украшенным флер-д'оранжем, Зефирина была живым воплощением восторга, опьянившего город. Ее отливающие медью длинные волосы были искусно заплетены Пелажи и убраны под усыпанный жемчугами головной убор. Ее своенравное личико горело от возбуждения. Она держалась очень прямо, как подобает маленькой девочке из аристократической семьи, одетая в настоящий дамский сюркот[6] с корсажем на китовом усе и воротничком из серебристых кружев. Крошечная фигурка в тосканских шелках бледно-зеленого цвета на возвышении была окружена всей прислугой; каждый надел новую ливрею с буквой Б и короной Багателей.

Зефирина была очень горда собой. На улице люди задирали головы, глядя на нее с восхищением. Они знали, что это дочь героя, товарища по оружию самого короля. Ее пальцы сжимали руку друга Бастьена. Оба юных провинциала переглядывались, оглушенные, восхищенные, очарованные волнением, охватившим народ. Длинные вымпелы из синего бархата, с вышитыми лилиями реяли над островерхими крышами жилищ.

На перекрестке, где стояла церковь Сен-Ле и куда выходила улица Пти-Льон, Зефирина еще могла видеть красовавшегося там, в память о покойном короле Людовике XII, дикобраза, но везде, на каждом фасаде, начиная с самого убогого домишки и кончая самым роскошным дворцом, сверкали саламандры, грубо нарисованные на дереве детьми или искусно вышитые мастерами на самых тонких шелках. Саламандры, извергавшие из пасти огонь! Саламандры, валившие наземь швейцарского медведя! Золотые саламандры! Синие саламандры! Саламандры с зелеными глазами! Саламандры, пронзающие насквозь дракона! Саламандры, плывущие средь бушующих волн! Саламандры, увенчанные коронами! Прекрасные и изящ-

[5] Гельветы – швейцарцы.

[6] Сюркот – верхняя одежда в XVI в.

ные саламандры – победоносная эмблема молодого красивого короля Франциска I, с девизом, написанным внизу «Nutrisco et extinguo»[7].

Зефирина переминалась с ноги на ногу. Она волновалась и начала топать ножкой, хмуря брови. Пелажи призвала ее к порядку.

Гул, неохватный как ропот океана, поднимался отовсюду: толпа все больше густела, люди собирались, скучивались и толкались. Парижане смеялись и переговаривались друг с другом: все находились в ожидании и в крайнем возбуждении.

Воры и разбойники, казалось, объявили передышку на этот день, оставив горожан и лавочников в покое.

Монахи, нищие, паломники, продавцы сувениров и благочестивых картинок, уличные певцы и торговцы вином вносили несказанную суматоху.

Зефирине хотелось получить все: пряник, портрет Франциска, грушу, горячее молоко, даже копченую селедку! Ипполит и Сенфорьен сбивались с ног, стараясь угодить всем капризам своей юной госпожи. Счастливая Зефирина, смеялась, делила лакомства с Бастьеном. У нее кружилась голова. Сколько пышных нарядов, золота, драгоценностей! Казалось, Париж хотел показать маленькой девочке все свои богатства, чтобы таким образом заставить ее позабыть зловонный запах его клоак.

Кумушки здоровались друг с другом, кивая накрахмаленными чепцами. Драгоценные украшения, золотые цепи и парчовые платья переливались всеми цветами радуги на высокомерных знатных дамах, стоявших у своих окон.

Во всех домах стоял гомон, как в птичнике. Лишь один двор, построенный в прошлом веке и находившийся напротив светлого и современного особняка Багателей, сооруженного к свадьбе Коризанды и Роже, выделялся на фоне возбуждения, царившего в квартале. Четыре башни, чьи окна не были украшены, казалось, были давным-давно покинуты его владельцами. На железных ставнях первого этажа скопилась пыль. Опавшие листья и сорная трава заполнили сырой двор, который Зефирина видела сквозь высокие решетки, украшенные вплетенной в них змеей с человеческой головой. Но вскоре ее внимание было отвлечено от печального жилища.

На паперти церкви Сен-Инносан, усыпанной лепестками роз, толпа веселых молодых людей распевала песенку, которую в этот час повторяла вся Франция: балладу о Мариньяно, специально сочиненную мэтром Клеманом Жанекеном. Наконец-то Зефирина могла броситься в бой. От всего сердца присоединила она свой голосок к голосам поющих. Дойдя до того места, которое больше всего ей нравилось, Зефирина, уже красная как мак, набрала в грудь воздух, чтобы пропеть куплет как можно громче. Она буквально вопила, все более и более воодушевляясь.

Внезапно славная Пелажи, которая пела куда более сдержанно, невольно нахмурила брови. Ее проницательный взгляд выделил из толпы, образовавшейся в конце улицы Сен-Дени, того самого нищего, что она видела сегодня утром.

Горемыка стоял, прислонившись к одному из тритонов, украшавших фонтан. Даже и не думая о том, чтобы утолить жажду гипокрасом[8], изумительным сладким вином, лившимся рекой в этот день всеобщего ликования, он оживленно беседовал с ребенком, чье лицо было скрыто плоским беретом с большим желтым пером. Малышу, судя по росту, было не более десяти лет от роду, и это должно было бы успокоить Пелажи, но нищий сопровождал свои слова жестами, указывающими на особняк Багателей.

– Клянусь Святым Самсоном, что замышляет этот бродяга? – проворчала Пелажи, все более и более заинтригованная.

---

[7] Я его (огонь) питаю, и я его погашаю (лат.).

[8] Гипокрас – напиток из легкого вина с корицей и сахаром.

Ей показалось, что мальчуган положил в руку несчастного какой-то предмет, возможно, кошелек. Нищий поклонился и тут же исчез в направлении башни Иоанна Бесстрашного, а ребенок, чье желтое перо Пелажи только что видела в толпе, стал с трудом пробиваться к улице Коссонри, где торговцы мясом нажарили столько каплунов, что ими можно было бы накормить целую армию!

– Ну вы, шутники, я с вас глаз не спущу! – процедила сквозь зубы Пелажи.

Грохот оваций заставил умолкнуть славную женщину. Единый крик поднимался к небесам:

– Да здравствуют лучники! Да здравствуют городские советники! – вопила Зефирина вместе со всеми парижанами.

Был полдень. Огромное шествие только что двинулось под звуки труб и приветственные клики. У ворот Сен-Дени появились сидящие верхом, по двое в ряд, лучники, арбалетчики, прево и городские советники Парижа, одетые в красные и синие одежды.

– Бастьен, Бастьен, ты видишь папу? – кричала Зефирина, пребывая в состоянии крайнего возбуждения.

– Пока нет, Зефи, пока нет… А вот и сержанты с пиками! – возгласил мальчик, который взгромоздился на широкие плечи папаши Коке и имел возможность раньше других увидеть длинные пики солдат.

– Да здравствуют сержанты стражи!

– Да здравствуют золотых и серебряных дел мастера!

– Да здравствуют секретари суда!

– Да здравствует Верховный суд!

– Да здравствует Высший суд!

– Да здравствуют нотариусы!

Как и все население, Зефирина встречала аплодисментами каждую депутацию, проезжавшую мимо. Даже судейские чиновники и сборщики налогов, к которым относились с ненавистью и презрением, когда они в камзолах из черного бархата и с толстой золотой цепью на шее, являвшейся знаком возложенной на них власти, собирали столь непопулярный налог на соль, получили свою долю приветственных возгласов.

Шествие продолжалось уже три часа, но никто не чувствовал усталости. А папаша Коке вдруг воскликнул:

– Скажите! Ну и соседство!

Зефирина подняла голову. Казалось, заброшенный особняк напротив особняка Багателей ожил. Два лакея в ливреях оливкового цвета открывали мрачные окна, проветривали комнаты, вытирали пыль, торопливо расставляли цветы, развешивали драпировки, ставили кресла; затем внезапно исчезли в глубине двора, ставшего гораздо менее мрачным. Зефирина хотела вновь обратиться к шествию, когда из комнаты с низким потолком, находившейся как раз напротив балкона особняка Багателей, быстро вышла из полумрака женщина с волосами, покрытыми черными кружевами, и в маске из атласного бархата.

Изящным движением незнакомка облокотилась о тяжелую каменную балюстраду. Наряд из черной парчи, обшитый стеклярусом из агата, свидетельствовал о ее высоком положении.

Несколько секунд дама в черном и маленькая рыжая девочка смотрели друг на друга. На губах незнакомки в черных драгоценных кружевах мелькнула тень улыбки.

Ее блестящие глаза, скрытые маской, пристально рассматривали Зефирину. Улыбка на розовых губах стала более явственной, показались заостренные зубы ослепительной белизны, и дама склонила голову, весьма учтиво приветствуя маленькую девочку, окруженную слугами.

– Кто эта дама, Пела? – спросила Зефирина, потянув няню за широкий отделанный воланами рукав.

– Не знаю, сокровище мое… но ты должна ответить, сделав реверанс, на столь любезное приветствие этой знатной дамы, которая…

Пелажи вдруг осеклась, и лицо ее сильно побледнело. Рядом с незнакомкой возникли два пера: желтое и зеленое. Пелажи отчетливо увидела головы, которые едва возвышались над балюстрадой, человек в берете с желтым пером – тот, кого она приняла за ребенка, когда он разговаривал с нищим, – оказался карликом с уродливым приплюснутым лицом; это был лакей или, возможно, шут изящной дамы. В берете с зеленым пером был мальчуган, тщедушный и болезненный с виду, которому могло быть шесть или семь лет, как Зефирине.

Все более и более обеспокоенная, Пелажи ощущала какое-то необъяснимое чувство тревоги.

Вопли Зефирины, смешивавшиеся с криками народа, вывели ее из состояния задумчивости:

– Да здравствует король… Да здравствует папа… Да здравствует герцог Алансонский… Да здравствует коннетабль[9] де Бурбон… Да здравствует маршал де Ла Па-лис… Да здравствует адмирал Бониве… Да здравствует король… Да здравствует папа! – пронзительно воскликнула Зефирина.

Воодушевление достигло своей наивысшей точки. В сопровождении тринадцати пажей, восьмидесяти шотландских лучников, двадцати двух герольдов появился Франциск I во всем своем сверкающем великолепии, одетый в белый и небесно-голубой атлас, гарцуя на снежно-белом жеребце, Цезарь двадцати лет от роду. Он возвращался победителем, покрытый золотом и горностаем, завоевав герцогство Миланское кончиком своего копья, пышущий силой, в сиянии юности и славы. Легкое ранение в голову заставило его отпустить бороду. Все спутники последовали этому примеру.

Зефирина с трудом узнала своего отца среди всех этих бородачей. Она вопила, посылала воздушные поцелуи, обрывала кружева на своем платье.

В то время как коннетабль де Бурбон нес перед собой королевский плащ, а маршал де Ла Палис – шпагу с насечкой, Роже де Багатель держал в руках на вышитой лилиями подушке отлитый из золота массивный шлем, защищавший короля под Мариньяно. Это было огромной честью.

После двух лет отсутствия маркиз возвращался домой, щедро осыпанный милостями. Все еще прекрасный рыцарь, с едва посеребренными висками, Роже улыбался дочери, слугам, собравшимся на балконе его особняка.

Приветственные возгласы перешли в исступленный восторг:

– Да здравствует король… Да здравствует король!

Находясь в страшном возбуждении, Зефирина едва не свалилась с балкона. Крепкая рука папаши Коке удержала ее в последнее мгновение.

Проезжая мимо, молодой король наклонился к маркизу:

– Ты видел свою рыжую саламандру? Неистовая девчонка одна производит больше шума, чем наши всадники, давая сигнал к атаке.

Расхохотавшись, Франциск с истинно королевской грацией снял берет, украшенный драгоценными камнями, чтобы поприветствовать свою приятельницу Зефирину. Она ответила, от волнения кусая пальцы. Посылая воздушные поцелуи и смеясь, она пришла в полуобморочное состояние: слишком прекрасное зрелище приводило ее в восторг, сжимало ей горло, слепило и потрясало.

Этот день навсегда остался в памяти Зефирины.

---

[9] Коннетабль – главнокомандующий королевской армией.

Внезапно девочка нахмурила свои тонко очерченные брови. Ловко брошенная черная роза упала рядом с золотым шлемом на расшитую подушку, которую нес ее отец. Роже де Багатель сейчас же поднял глаза к башне мрачного жилища. Стоя у окна, дама в черном, исполненная грациозного очарования и изысканной сдержанности, приветствовала героя. На секунду, так, чтобы видел только он один, она чуть приподняла маску, скрывавшую лицо, открыв тонкие черты, поражавшие своей красотой. Мало того, черные глаза незнакомки, казалось, смотрели на маркиза со странной нежностью. Роже де Багатель склонился к шее своего жеребца и затянутой в перчатку рукой взял розу, поднеся ее к своим губам. Зефирина инстинктивно зажмурилась. Детское эгоистическое предчувствие предупреждало об опасности. Зефирина ощутила внезапный холод, и ей захотелось зарыдать, всхлипывая, поскольку внимание обожаемого отца было отвлечено от ее маленькой персоны.

Когда Зефирина вновь открыла глаза, облако пыли, поднятое шествием, удалялось. Народ в конце улицы Сен-Дени расходился. Люди возвращались к своему очагу или направлялись к паперти собора Парижской Богоматери, чтобы присутствовать при пении «Te Deum»[10].

Перед тем как покинуть балкон, Зефирина бросила взгляд на мрачное здание. Дама в черном и мальчуган с зеленым пером исчезли, словно привиделись ей во сне. Лакеи молча убирали цветы, драпировки и гобелены с окон. Но желтое перо карлика двигалось по-прежнему. Видно было, что этот человечек распоряжался слугами.

– Идем, мое сокровище, пора ужинать! – сказала Пелажи, беря Зефирину за руку.

Зефирина только что познала ревность. Ей было необходимо отомстить кому-нибудь. На другой стороне улицы карлик прислонился уродливой головой к каменной балюстраде. Он рассматривал девочку с рыжими кудрями. Ни его плоское лицо, ни выпученные рыбьи глаза ничего не выражали. Зефирина торопливо обернулась. Украдкой от Пелажи она показала карлику язык, затем, придя в восхищение от собственной гримасы и совершенно не осознавая всей злобности своей безнаказанной выходки, она отпустила руку воспитательницы и весело побежала к лестнице, ведущей на кухню.

Там гремел чей-то трубный голос.

[10] «Тебя, Бога, хвалим» – начало католической молитвы (лат.).

ГЛАВА III
Я ХОЧУ

– Клянусь рогами рогоносца… Со времен Ганнибал? не совершалось ничего подобного!

Бородатый гигант гулко ударял себя кулаком по мощной груди в кирасе, восхищенный шепот сопровождал каждое его громогласное слово. Никто из присутствующих не обратил внимания на Зефирину. Она скромно уселась на последнюю ступеньку и, оперев свою изящную рыжую головку на обе руки, стала внимательно, как и все остальные, слушать.

– Тридцать тысяч человек, закованных в броню! Десять тысяч всадников! Семьдесят две пушки! Мулы, повозки, лошади, наши лучники и дворяне в доспехах под палящим солнцем! Мы перешли через Альпы на высоте шести тысяч футов, чтобы обрушиться на равнине на швейцарского медведя. Нас убивали! Нас обманывали! Нас кусали со всех сторон! Целых два дня мы дрались, опрокинув более тридцати раз этих пройдох-швейцарцев! Ах, клянусь бородой Барнабе! Когда при крике «Святой Марк» эти пердуны-венецианцы атаковали нас, клянусь честью, я вот этой самой рукой, которую вы видите, пронзил более сотни негодяев, и, однако, я думал, что всему крышка, что все пропало… Какая неразбериха! Нас ослепляла пыль… Лошади и всадники тонули в грязи, а наша артиллерия стреляла без передышки, наши арбалетчики выпускали град стрел… Всю ночь мы не отрывали задницу от седла, но вечером той сентябрьской пятницы швейцарцы и их дерьмовые союзнички были обращены в бегство. Тогда, друзья мои, я своими собственными глазами увидел, как наш молодой король встал на колени и поцеловал землю, орошенную кровью. Затем перед всеми нами он поручил храбрейшему из храбрых, благороднейшему из благородных, человеку без страха и упрека, я говорю о шевалье де Байяре, возвести себя в рыцари.

Вслед за этим воцарилось благоговейное молчание.

Главный повар Ёзеб, три поваренка, четыре кухарки и все лакеи стояли с разинутыми ртами, держа в руках вертелы, точно тесаки, и мечтая о сражениях и битвах, о величии и героизме.

– Ла Дусер! Ла Дусер! – завопила Зефирина, воспользовавшись всеобщим затишьем, чтобы броситься в объятия рассказчика.

– Зефи, так ты не забыла своего Ла Дусера? О, дай-ка мне на тебя посмотреть, какая ты большая и красивая! – восторженно воскликнул умиленный гигант.

Большим пальцем, размером со шпатель, он утер слезу, застрявшую в бороде цвета соли с перцем.

– Смотри, у меня выпало три зуба!

Зефирина с гордостью показала несколько дырочек среди маленьких жемчужин, украшавших ее розовые десны, затем, забыв о себе, с видимым интересом провела пальцами по заросшим щекам своего друга и спросила:

– Почему ты теперь тоже бородатый?

– Я дал обет Святой Кунигунде, что отпущу бороду, если мы выиграем битву! – солгал гигант, не смея признаться, что, как и все люди Франциска I, последовал королевской моде…

– Я люблю тебя, Ла Дусер!

Зефирина страстно поцеловала оруженосца своего отца, который, не колеблясь, посадил ее в седло в возрасте трех лет.

– Когда я буду большая, ты вместе с Бастьеном будешь моим мужем!

Едва Зефирина поведала о своем решении, как поварята и кухарки прыснули со смеху в свои жирные тряпки; бросив на них яростный взгляд, потрясенная Пелажи, возразила:

– Послушай, мое сокровище, нельзя выйти замуж сразу за двоих мужчин!

– Когда я стану большая, буду делать то, что я хочу! – заявила Зефирина с огромным убеждением.

– Ладно, отпустите-ка барышню Зефирину. Господин маркиз устраивает ночью пир в честь возвращения, и, даю слово повара, на карту поставлена моя честь.

Главный повар Ёзеб, возвратившись на грешную землю, вновь принялся за работу. Словно коннетабль перед битвой, он произвел смотр своему войску. Поварята и подавальщицы вновь засуетились вокруг пирогов с куропатками, кулебяк с рыбой, фазанов, фаршированных коринкой, в то время как в очагах шипели, поворачиваясь на вертелах, бараньи и свиные туши, благоухавшие от покрывавшей их горчицы.

Зефирина в отместку сунула пальцы в пироги с бобами, которые выстроились в ряд на длинных деревянных столах.

– Они невкусные! – бросила Зефирина, чтобы отомстить мэтру Ёзебу.

Пустив эту отравленную стрелу, она бегом присоединилась к Бастьену, чтобы сыграть с ним в новую игру.

– Ты будешь пердуном-венецианцем, а я Ганнибалом, клянусь рогом рогоносца… Вот уже два дня как мы не отрываем задницу от седла…

Миновала полночь, но Зефирина все еще не спала. Ярость уступила место печали. Она лишь недолго видела своего отца, когда тот вернулся из дворца Турнель, в котором король, предпочитавший это светлое жилище мрачной главной башне Лувра, принимал нотаблей[11] города.

Роже де Багатель провел очень мало времени со своей дочерью, хотя взволнованной Зефирине хотелось бы все знать об итальянской кампании.

Надевая камзол с длинными рукавами, присборенными в плечах, поверх рубашки из тонкого голландского полотна, стройный и очаровательный маркиз, кратко рассказал девочке, как миланские князья под предводительством герцога Максимилиана Сфорцы покорились после поражения швейцарцев и присягнули королю Франции. Только один из них восстал – юный князь Фульвио Фарнелло. Он ответил французскому королю, «что не знает другого властелина, кроме своей шпаги и божественного провидения!» Французские рыцари просили короля Франциска I обезглавить наглеца или по крайней мере разорить все его имения, разрушить все его дворцы, но король, великодушный и снисходительный, а возможно, уставший от крови при Мариньяно или же тронутый семнадцатью годами юноши, удовольствовался тем, что повелел сломать красовавшийся на фронтонах его дворцов гордый герб рода Фарнелло: леопард с золотой пастью и девизом – «Я хочу!»

Дойдя до этого места в своем повествовании, Роже де Багатель внезапно заторопился к гостям, чьи портшезы уже появились во дворе; торопливо поцеловав дочь, он велел Пелажи сейчас же уложить ее в постель.

Теперь Зефирина вертелась с боку на бок на мягком 1Юфячке из овсяной микины, и мысли ее неслись во весь опор. Она все время возвращалась к высокомерному ответу князя Фульвио Фарнелло. Какая самоуверенность! Он осмелился бунтовать против Франциска I, короля-победителя, самого могущественного государя в мире! Кто такой этот Фарнелло, что считает себя равным королю Франции? Размышляя о дерзком итальянце, она одновременно прислушивалась к смеху и радостным крикам, доносившимся из зала для приемов. Внезапно терпение у нее лопнуло, и она решилась:

– Я… Я хочу встать!

Присоединив к словам действие, Зефирина тихонько распахнула балдахин. Отбросив занавеси из зеленой шелковой узорчатой ткани, она прыгнула на черный дубовый пол, вне-

[11] Нотабли – представители высшего духовенства, придворного дворянства и мэры городов в средневековой Франции.

запно оказавшийся ледяным для ее босых ножек. Сначала она, крадучись на цыпочках, прошла через комнату Пелажи, примыкавшую к ее собственной. Пустая постель, робко освещенная бледным лунным светом, неопровержимо свидетельствовала, что кормилица находилась внизу.

Зефирина была одна на всем этаже. Она прошла в туалетную комнату, с наслаждением вдохнув запах мазей и духов своего отца, затем вошла в такой темный коридор, что пришлось двигаться на ощупь; ее направляли только звуки лютни и гобоев. Путаясь в длинной рубашке из тонкого батиста, чей вышитый подол волочился по полу, так что его надо было приподнимать, Зефирина невольно стучала зубами: ночью оружейный зал производил зловещее впечатление.

Храбро подавив охватившую ее дрожь, словно смелая маленькая саламандра, она продолжила свой путь, хотя чувствовала себя все же очень неуютно в этом обширном здании, расположение комнат в котором знала плохо. Чтобы идти в правильном направлении, Зефирина держалась за стену.

Внезапно повеяло ночной сыростью. Зефирина ощутила под пальцами шероховатость громадных портретов своих предков. Это было хорошо. Теперь девочка знала, что находится в портретной галерее; портреты она знала наизусть. Эти картины кисти больших мастеров висели в том же порядке, в каком были развешаны в Турени.

Внезапно Зефирина остановилась и сердце у нее сильно забилось. Ей показалось, что совсем близко слышно чье-то дыхание и чьи-то бесшумные шаги скользят по натертому воском паркету.

Зефирина резко обернулась, но не различила в темноте никакой подозрительной тени.

– Я не боюсь! Я не боюсь! – повторяла Зефирина, дрожа от холода.

Чтобы придать себе больше храбрости, она начала вслух называть имена предков, проходя мимо них:

– Вот Эрнест… Ахилл-Жозеф… Тимолеон… Гонтран… Беранже… Гуго-Бертран, Бланш, Гиацинта… Эврар… Шарль-Базиль…

Зефирина дошла до конца галереи. Ее маленькая ручка коснулась деревянной рамы портрета матери, прекрасной Коризанды, изображенной в полный рост. Сколько раз девочка, которую холили и лелеяли, но которой так не хватало материнской нежности и любви, сколько раз мечтала она о материнской ласке, всматриваясь в этот кроткий и нежный взгляд изумрудных глаз, в которых уже сквозила какая-то грусть, возможно даже какое-то предчувствие быстротечности своей судьбы.

– О, мама! – вздохнула девочка. – Я ваша маленькая дочка. Я хочу, чтобы вы со мной поговорили. Почему вы не разговариваете со мной?

Но загробный голос никогда не отвечал своевольной девочке.

Смех, музыка и пение звучали все громче. Зефирина, наконец, дошла до двойной лестницы, которая обвивала свои изящные завитки вокруг огромной колонны из резного дерева.

Девочка знала, что сможет укрыться за раковинами балюстрады и что, таким образом, с этого возвышения ей откроется прекрасный вид на весь большой пиршественный зал.

Она очень удобно устроилась в своем тайнике, когда рядом раздался чей-то хриплый голос:

– Чем больше человек сходит с ума, тем больше смеется!

Зефирина вскрикнула, но ее возглас тут же пресекся: чья-то затянутая в перчатку рука крепко прижалась к ее губам, заглушая все жалобы. Взбешенная Зефирина, брызгая слюной от ярости, случайно вцепилась в чужой палец. Она с наслаждением вонзила свои острые зубки в плоть напавшего на нее человека, но тот не отпускал ее, наоборот, все крепче сжимал. Затем тот же голос с угрозой произнес:

– Не двигайся, толстая индюшка!

Полузадохнувшейся Зефирине все же удалось повернуть свою кудрявую головку: она увидела уродливое существо, чей вид вызвал у нее ужас.

ГЛАВА IV
КАРОЛЮС

Гогот карлика с желтым пером раздавался в тишине. Его плоское, как у дохлой рыбы лицо, кривилось гримасами как раз на уровне испуганных глаз Зефирины.

Маленький рост напавшего на нее человека должен был успокоить девочку. Но, странно, именно его короткое, уродливое тело больше всего наводило ужас.

– Смотри-ка, ты вдруг стала более вежливой, мартышка! – отметил карлик с удовлетворением. – Ну ладно, я уже достаточно отомстил тебе за твою наглость. Если пообещаешь быть благоразумной, я дам тебе возможность дышать!

Отвратительный человечек ожидал ответа Зефирины. Все еще вытаращив глаза, она тихонько кивнула головой в знак согласия. Карлик осторожно разжал свои объятия. Несмотря на страх, который внушал враг, Зефирина продолжала держать его палец в крепко сжатых зубах.

– Эй, каждому свой черед! Теперь твоя очередь отпустить мой палец! – скорчил гримасу карлик.

Зефирина решилась разжать зубы. Казалось, не испытывая ни малейшей боли, странный уродец снял свою черную перчатку и победно помахал перед глазами девочки четырехпалой красной ручонкой, вырезанной из сандалового дерева.

– Видишь, дурочка… ты могла на этом переломать все свои зубы! Ну, давай, садись на попку и никаких воплей! Я не спущу с тебя глаз, девчонка!

Сказав это, карлик вновь надел свою черную перчатку и бесцеремонно подтолкнул Зефирину к небольшому золоченому деревянному сундуку. Никто на свете никогда не употреблял таких слов, обращаясь к Зефирине. Устраиваясь на указанном месте, она пришла в себя; ей удалось произнести:

– Кто ты?

– Я – Каролюс, король карликов! Карлик королей! И я не к твоим услугам, краля!

Карлик с издевкой поклонился, коснувшись пола своим длинным желтым пером.

– Сколько же тебе лет? – спросила девочка недоверчиво.

– Тридцать шесть и все зубы есть!

Услышав такой ответ, Зефирина молниеносно обрела присущую ей самоуверенность.

– Ты довольно маленький!

– Ты тоже, тетеря!

– Да, но я-то стану большой! – бросила Зефирина тоном превосходства.

При этих словах странная искра промелькнула в желтоватых глазах карлика.

– Кто знает! – скорчил гримасу человечек, а затем вновь с ухмылкой заговорил:

– Ну, давай, подвинь свои юбки, моя красотка…

Подпрыгнув на кривых ножках, карлик уселся рядом с Зефириной на импровизированном сиденье. Полностью успокоившись, она спросила:

– Как ты сюда вошел?

– С помощью волшебства, сладкая моя! И мой настоящий мизинец говорит мне, что тебе придется привыкнуть к манерам Каролюса.

А теперь заткни пасть и дай мне посмотреть на благородное собрание.

Это было уже слишком. Зефирина тявкнула, как разъяренная шавка:

– Я у себя дома, и не такому дерьмовому человечишке отдавать мне приказы!

Удовлетворенная как своим ответом, в котором использовала любимое словечко Ла Дусера, так и ошеломленной физиономией карлика, она совершенно потеряла интерес к Каролюсу и перенесла все внимание на зал для приемов.

Сто восковых свечей освещали, словно днем, необъятных размеров стол.

Среди полусотни сотрапезников, вокруг которых вился хоровод лакеев в бархатных зеленых ливреях – цвета дома Багателей – Зефирина тотчас узнала сидевшего на почетном месте в слегка распахнутом камзоле своего друга короля Франциска.

Жареные павлины, лебеди и цапли появлялись в зале; их несли поварята на позолоченных серебряных блюдах.

Зефирина, находясь в своем укромном месте, пыталась привлечь внимание Бастьена, которого Пелажи ради такого случая предоставила в распоряжение повара; она кривлялась и гримасничала, но ее товарищ по играм ни на мгновение не поднял головы, слишком поглощенный важностью порученного ему дела.

Зефирина заметила, что король, выказывая благовоспитанность и учтивость человека, умеющего следовать моде, всего лишь по одному разу погружал пальцы в каждое блюдо, чтобы взять кусок и поднести его к губам. С жадностью поедая сочную ножку цапли, Франциск нежно разговаривал со своей соседкой, красивой молодой женщиной с прекрасными каштановыми волосами, в которые были вплетены жемчужные нити. Будучи, как всегда, любопытной, Зефирина спрашивала себя, кто бы это мог быть, так как она не узнавала в этой даме любезную королеву Клод.

Насмешливый голос Каролюса, словно тот угадал ее мысли, раздался у нее над ухом:

– Жила-была торговка печенкой, которая однажды сказала себе: «Клянусь честью, это Франсуаза де Фуа, которая в следующий раз будет кобылой короля»[12] Гы! Гы! Гы!

Придя в восторг от собственной шутки, Каролюс скорчился от смеха.

– Ты – дурак, это ничего не значит. Замолчи! Зефирина сопроводила свой властный приказ чувствительным толчком в бок карлика.

Совершенно не смущаясь, Каролюс ответил выпадом на выпад:

– Наша маленькая гусыня сегодня вечером проделает путь от удивления до изумления. Гы! Гы!

Зефирина, презрительно пожав плечами, стала искать взглядом отца.

Несколько человек отделяли маркиза де Багатель от его сюзерена. Как король и все присутствовавшие здесь молодые победители, он весело праздновал возвращение в окружении множества красивых женщин.

Несмотря на свою детскую невинность, Зефирина прекрасно понимала, что лишь одна-единственная особа привлекла внимание ее отца. Роже де Багатель постоянно склонялся к соседке справа. Зефирину это раздражало, и она выворачивала себе шею, пытаясь разглядеть черты лица этой дамы, но видела только ее высокий головной убор, украшенный эмалевыми подвесками, которые ниспадали на роскошное платье из черной тафты, в которую были вплетены золотые нити.

Внезапно зазвучавшие аплодисменты отвлекли внимание Зефирины от этой женщины. В зале появилось какое-то животное огромных размеров и необычное с виду. Оно передвигалось отрывистыми прыжками, болтало лапами в воздухе и вертело своим рыжеватым хвостом. Несколько дам взвизгнули от страха и, казалось, были готовы упасть в обморок. Сидевшая на возвышении Зефирина тоже едва не поддалась панике, но насмешливый взгляд соседа привел ее в чувство.

Внезапно животное замерло перед королем. Франсуаза де Фуа, видимо, испугавшись, бросилась в объятия Франциска. Король воспользовался этим, чтобы поцеловать ее в шею. Такое поведение глубоко возмутило Зефирину, хотя ей тоже хотелось бы прижаться к груди отца.

---

[12] По-французски это звучит как каламбур (foie – печень и Foix – фамилия произносятся одинаково).

Сказочный зверь с ужасным рыком потряс своей оранжевой гривой, а из его разинутой пасти появилась девочка-подросток, едва прикрытая прозрачной тканью, усыпанной лилиями.

– Хи-хи! Деревенщина! Здесь все иначе, чем в твоей дыре! – зубоскалил Каролюс.

Зефирина решила было ответить презрением на эти насмешки; однако осталась сидеть с разинутым ртом, вытаращив глаза. Никогда еще девочка не видела подобного волшебства, равно как и подобных полуголых девиц. Зефирина покраснела от стыда за это создание. Господин кюре из Амбуаза говорил, что только приспешники дьявола снимают свои одежды – и Пелажи всегда купала Зефирину одетой в длинную рубашку. Но сегодня вечером, как и сказал Каролюс, Зефирина шла от удивления к изумлению.

Казалось, совершенно не опасаясь нечистой силы, король аплодировал так, что дом мог рухнуть. Более того, бросив свою мадам де Фуа, он легкомысленно поцеловал юную девушку в губы, лаская ее обнаженную грудь, а затем воскликнул:

– Браво! Браво! Входите, мой славный мэтр! Идите сюда, чтобы мы Могли поблагодарить вас за это замечательное изобретение!

В зал быстрым шагом вошел старик, чья длинная белая борода ниспадала на расшитую по итальянской моде одежду, и склонил сутулую спину перед королем.

– Я так счастлив, что мой автоматический лев «понравился» вашему величеству! – сказал старик с легким заальпийским акцентом.

– Понравился… Ах! Даже более того, мой добрый отец, намного более. Друзья мои, – сказал король, обращаясь к придворным, – я представляю вам свой лучший итальянский трофей! Это мэтр Леонардо да Винчи, гениальный художник, с которым дурно обошлись его соотечественники. Мэтр Леонардо согласился последовать за нами. Отныне он будет жить в «милой Франции», приберегая для нас свои замечательные изобретения. Спасибо, мой добрый отец… спасибо! – закончил молодой король. И было видно, что он жаждет выразить старику свое уважение и восхищение. Со свойственной ему пылкостью, Франциск I сжал старого художника в объятьях, затем обернулся к Франсуазе де Фуа и поднял свой кубок:

– А теперь, друзья мои, выпьем за властительницу наших мыслей! Но женщина изменчива и безумен тот, кто станет ей доверять!

– Гы! Гы! И с этими словами стал поэтом наш Франциск! – прошептал Каролюс.

– Заткни пасть! – сказала Зефирина, которая все схватывала на лету.

Слова короля были встречены восторженным гулом. Каждый из сотрапезников повторял их, на все лады расхваливая остроумие монарха.

Роже де Багатель тоже повернулся к своей соседке, подняв светло-зеленый кубок. Даже чувствуя на себе насмешливый взгляд Каролюса, Зефирина не удержалась от жеста, выражавшего удивление. Только сейчас она увидела: рядом с ее отцом сидит та самая незнакомка, что бросила черную розу!

– Раз ваше величество указало нам такой прекрасный путь, то я позволю себе выпить за здоровье госпожи графини доньи Гермины де Сан-Сальвадор!

ГЛАВА V
ГРАФИНЯ

– Сан-Сальвадор, – повторил король; он, казалось, пытался что-то вспомнить. – Мы не ошибаемся, сударыня? Ведь речь идет о титуле?

– Сир, я действительно вдова графа Энрике де Сан-Сальвадора.

Произнеся эти слова, графиня встала со своего места, тут же опустившись в глубоком реверансе перед королем.

– Ах, да! Один из испанских грандов! Но вы очень хорошо говорите по-французски, госпожа графиня! – одобрительно произнес король.

– В нашем замке у нас всегда были воспитательницы-француженки, ваше величество.

У графини был низкий и мелодичный голос, который Зефирина тотчас же возненавидела.

По любезному знаку короля графиня снова заняла свое место рядом с маркизом де Багатель. Теперь Зефирина могла очень хорошо видеть черные как смоль кудри, образовавшие ореол вокруг прекрасного лба.

Роже де Багатель вновь склонился к графине и прошептал несколько слов, которые Зефирина не могла расслышать. Графиня потупилась. Нежная улыбка озаряла ее лицо мадонны. Из-под длинных черных ресниц сияли горячие, глубокие, ласковые глаза – и все это было для маркиза де Багателя.

Не зная почему, Зефирина чувствовала себя несчастной, оскорбленной, одинокой и покинутой. Ей вдруг стало очень холодно. Она поджала свои босые ножки, скорчившись на золоченом сундуке.

– Ну и непоседливая же ты, цесарка! – заворчал Каролюс.

– Я делаю то, что хочу! – все тем же «любезным» тоном ответила Зефирина, но тут же замолчала, чтобы послушать своего отца, обратившегося к королю.

– Позволит ли мне ваше величество высказать просьбу?

– В чем бы я смог тебе отказать, Багатель?

– Прошу вашей высочайшей благосклонности: разрешить мне просить руки графини Гермины де Сан-Сальвадор.

– Вот это огорошит тебя, маленькая свинушка! – скорчил гримасу Каролюс.

Зефирина смотрела на карлика, и лицо ее выражало полное непонимание происходящего.

– Что папа хочет сделать с рукой этой дамы? – спросила наивная девочка.

– Гы-гы-гы!

Каролюс скатился на пол и болтал в воздухе ногами, предаваясь безудержному веселью.

– Если таково твое желание, Багатель, было бы нелюбезно с нашей стороны отказывать в твоей просьбе, однако…

Франциск I, внезапно вновь стал более королем, чем другом, явно заколебавшись, следует ли давать маркизу разрешение на брак. К этому обязывали существовавшие обычаи. Ведь испанская графиня могла в случае смерти мужа унаследовать огромное состояние, включавшее объединенные земли родов Багателей и Сен-Савенов, и это заставляло задуматься сюзерена Франции.

– Позволит ли ваше величество рассказать ему одну историю? – спросил Роже де Багатель, чувствуя внезапную нерешительность короля.

По любезному знаку властелина маркиз приблизился к королевскому креслу.

Очарованная тем, что услышит какую-то сказку, Зефирина приблизила лицо к раковинам, украшавшим балюстраду, и, уперевшись подбородком в сложенные руки, в привычной для себя позе, стала с восторгом смотреть на отца.

– После того как мы одержали победу, ваше величество совершали триумфальное путешествие в Марсель, – начал рассказ Роже де Багатель, – а ваш слуга, у которого расковалась лошадь, ехал следом за вашей свитой по дороге на Маноск. Я немного отстал, и тут разразилась гроза с проливным дождем…

Король прервал маркиза, чтобы дать кое-какие пояснения Франсуазе де Фуа.

– О да! В Провансе, как мне помнится, прекрасная дама, у нас была встреча с госпожой нашей матушкой; гроза была, когда мы проезжали через священный лес Сент-Бом, и, клянусь кожей на животе Святого Бонифация, мы все промокли до костей. А ты не простудился, дружище? – ласково пошутил король.

– Я никогда не боялся стихии, сир, тем более находясь на службе у вашего величества, – ответил с затаенным упреком Роже де Багатель, – но ударившая в дерево молния заставила моего коня встать на дыбы; я вылетел из седла, и меня отбросило на пятнадцать футов, ударив о скалу. Когда я пришел в сознание, уже опустилась глубокая ночь, я был один и не мог идти, так как моя нога в сапоге чрезвычайно распухла. Послышался вой волков, он приближался. Я старался ползти, но продвигался вперед очень медленно. Я уже видел, как блестящие глаза хищников светились в темноте, я уже вручил свою душу Господу, когда провидение донесло до меня звук копыт лошадей, скакавших галопом по каменистой дороге, что проходила внизу. Немного приободрившись, я изо всех сил позвал на помощь. Наконец, около меня остановилась повозка, влекомая четверкой лошадей. Два лакея втащили меня внутрь. Я был спасен! Это были граф и графиня де Сан-Сальвадор, которые, совершив паломничество к гроту Святой Магдалины, возвращались в свое поместье в Арагоне. Сама донья Гермина, услышав мои отчаянные призывы, приказала своим людям остановиться, ибо граф де Сан-Сальвадор, внезапно сраженный болотной лихорадкой, был, казалось, очень плох.

Моя нога воспалилась. Я провел три дня в монастыре Сан-Сакреман, где графиня, решившая там остановиться из-за своего супруга, ухаживала за мной так преданно, что именно ей я обязан жизнью. К несчастью, граф де Сан-Сальвадор так и не оправился; мое выздоровление было омрачено скорбью, вызванной его кончиной. Я простился с графиней… не осмелившись сказать ей о тех чувствах, которые она вызвала во мне. Высказав ей самые искренние соболезнования, я покинул ее навсегда…

Каково же было мое удивление, и какое затем меня охватило счастье, когда я увидел, что превратности судьбы привели госпожу де Сан-Сальвадор, ныне свободную, в Париж и что она, не зная того, поселилась по соседству с особняком Багателей! Я пошел навестить ее тотчас же по окончании шествия и… осмелившись, наконец, признаться в моей тайне, имел счастье узнать, что я ей небезразличен. Вот, сир, то благородное создание, которое сохранило жизнь не самому худшему из воинов вашей армии! – заключил Роже де Багатель, бросив долгий взгляд на графиню де Сан-Сальвадор.

В течение всей этой речи графиня сидела, целомудренно опустив глаза. Несколько секунд Зефирина слышала только, как капли воска монотонно падают со свечей на пол, выложенный голландскими изразцами. Наивная и невинная девочка ощущала какую-то странную тревогу. Во время этого рассказа она не узнавала голоса своего отца. Было похоже, как если бы кто-то другой говорил вместо него… или же он лгал.

Когда такая ужасная греховная мысль пришла ей в голову, Зефирина торопливо, так, чтобы не увидел Каролюс, перекрестилась.

Громогласный возглас короля нарушил почтительное молчание:

– Клянусь Святым Франциском, моим покровителем, беру назад все свои слова! Женись на этой преданной женщине, Багатель! Перед лицом благородных дам и моих храбрых товарищей по оружию я даю тебе королевское разрешение жениться на госпоже графине де Сан-Сальвадор.

Придворные встретили эту речь овацией. По знаку хозяина дома лакеи наполнили кубки драгоценным вином из Кагора.

– Жениться? – прошептала Зефирина, вопросительно глядя на карлика.

– Ну да, дурья башка! Жениться, что же еще? Теперь у тебя новая мама.

Каролюс паясничал, хлопая ресницами и вертя задом.

Зефирина тряхнула изящной медноволосой головкой. Рыдание рвалось с ее губ. Она уже хотела убежать в свою комнату, чтобы укрыть там свое разочарование, свое огромное детское горе, когда заметила в проеме ведущей на кухню двери свою кормилицу в толпе прислуги, прибежавшей послушать рассказ своего господина.

Зефирина хорошо знала Пелажи. По ее насупленному лицу она поняла, что та недовольна, очень недовольна. Не думая, что за ней наблюдают, Пелажи как-то странно смотрела на графиню де Сан-Сальвадор. У Пелажи были суровые глаза, да, подозрительные и суровые, сходные с двумя арбалетами, готовыми выстрелить.

Вдруг Зефирина услышала какой-то дикий вопль:

– Нет… нет!

При этом крике все одновременно подняли головы, посмотрев на верхнюю галерею. Только теперь Зефирина поняла, что это она сама неистово вопит, вцепившись в перила изящной балюстрады.

– Нет, я не хочу, чтобы папа женился… Я не хочу!

Как и все его сотрапезники, потрясенный король смотрел на маленького разбушевавшегося демона, которого, по-видимому, пытался удержать карлик Каролюс.

Растолкав лакеев, Пелажи бросилась к избалованной девочке. Но Роже де Багатель, придя в себя от первоначального изумления, остановил кормилицу на бегу. Всем своим видом выказывая отцовскую властность, он бросил зычным голосом:

– Немедленно остановитесь, Зефирина! Приказываю вам исполнить мой приказ! Возвращайтесь и ложитесь спать!

Увы! Зефирину понесло, к тому же Каролюс насмешливо шепнул ей:

– Черта с два! Ты не осмелишься продолжать, дура набитая!

Словно маленькая фурия, Зефирина вырвалась из рук карлика. Она скатилась по лестнице с криком:

– У меня только одна мама на небесах! Я не хочу другую! Я не хочу эту даму! Папа, мой дорогой папа, не женитесь на ней, она злая, злая, я это чувствую… Если хотите жениться, возьмите в жены Пелажи…

Зефирина бросилась в объятия своего отца. Роже де Багатель был совершенно поражен случившимся; было видно, что он гораздо лучше знал, как вести себя на поле боя, чем с собственной дочерью. Взгляды присутствующих обратились к графине Сан-Сальвадор. На лицах придворных читалась затаенная насмешка. Завтра при дворе в Фонтенбло, куда король намеревался отправиться, языки будут молоть без умолку.

Очень бледная, графиня не шелохнулась. Казалось, она превратилась в мраморную статую. Только по стиснутым на кружевной скатерти рукам можно было догадаться о ее чувствах.

– Ну ладно, Багатель, дай мне ее успокоить! – сказал король. – Я умею разговаривать с детьми!

Франциск I привлек Зефирину к себе на колени:

– Ну что это за каприз, Зефирина? Ты же моя подружка!

– Нет! Теперь нет!

Зефирина отчаянно отбивалась. Крепкой рукой король удерживал маленькую взбешенную девчонку у себя на коленях.

Зефирина, нагая под легкой рубашкой, почувствовала, как сквозь серо-серебряные чулки, подвязанные к королевским штанам, в ее детское тело внезапно проникает тепло. Она была смущена и взволнована; ей одновременно хотелось и убежать и расслабиться сидя на коленях, ибо ей нравился тот мужской запах, что исходил от него.

– Ты же видишь, мы любим друг друга!

Король легонько ласкал лицо Зефирины шелковистой бородой. Она на секунду закрыла свои зеленые глаза, но тут же открыла их, бросив горячий упрек:

– Вы не имели права говорить папе, чтобы он женился!

– Я делаю что хочу! Ведь я король! – возразил Франциск.

Очарование было нарушено. Зефирина выпрямилась с вызывающим видом, словно маленькая фурия:

– Тогда занимайтесь своей кобылой!

– Моей кобылой?! – удивился король.

– Именно так…

Зефирина выпалила единым духом:

– Жила-была торговка печенкой, которая сказала себе: «Клянусь честью, Франсуаза де Фуа будет в следующий раз кобылой короля!»

Раздался сдавленный крик. Не вынеся подобного скандала, госпожа де Фуа сочла за лучшее упасть в обморок.

Придворные с трудом удержались, чтобы не расхохотаться.

Франциск I в ярости поднялся:

– Этот ребенок совершенно невозможен, Багатель! Ты должен ее укротить, как дикую необъезженную лошадь.

Король дал своим людям знак, что собирается уходить.

В отчаянии от того, что вызвал неудовольствие монарха, Роже де Багатель рассыпался в извинениях.

– Да, сир, я отдам ее в монастырь!

– Ты прав, надо обучить ее хорошим манерам, – одобрил король.

Каролюс усмехался, спрятавшись под столом. Зефирина с большим удовлетворением взирала на весь этот беспорядок, причиной которого стала ее маленькая персона.

– Но меня, дорогое дитя, меня ты выслушаешь!

Сладкий и мелодичный голос графини де Сан-Сальвадор возвысился над царившей суматохой. Шелестя парчовым платьем, донья Гермина плыла, едва касаясь плиток пола, по направлению к девочке. Словно кролик, завороженный взглядом хищной птицы, смотрела Зефирина на приближающуюся к ней даму в черном.

Улыбка мадонны озаряла прекрасное лицо графини. Ее дивные черные глаза пристально и нежно смотрели на девочку.

– Дорогая, дорогая малютка…

Сильнейшее очарование доньи Гермины подействовало на Зефирину. Внезапно ей захотелось отказаться от своего буйного поведения. «Ах! Упасть в эти радушные объятия, спрятать голову на этой материнской груди, вдохнуть этот чарующий запах!» Скрытая от всех насмешка разрушила волшебство. Это был ее злой ангел Каролюс; он шептал, скорчившись под столом:

– Трусиха, бояка, зайчиха…

В то же мгновение графиня нежно приблизила свои пурпурные губы к девочке, чтобы запечатлеть поцелуй на ее кудрях.

Дальнейшее произошло само собой. Зефирина вскинула голову:

– Вы никогда не будете моей мамой! – завопила маленькая дикарка.

Словно маленькая ведьма, она вонзила ногти в бледные щеки доньи Гермины.

Все вскрикнули одновременно, а громче всех графиня, которая не могла вырваться из маленьких острых коготков юной тигрицы, придворные, король, Франсуаза де Фуа, Роже де Багатель, Пелажи, Ла Дусер… ну и суматоха поднялась!..

Никто не мог вырвать добычу из рук дрянной девчонки.

– Она взбесилась… Она ведьма, бейте ее по рукам… Тащите за волосы… Ах, наконец! Это просто чудовище, уведите ее!

Ла Дусеру удалось оторвать Зефирину от ее жертвы.

Девочке еще хватило времени на то, чтобы посреди безумия, охватившего, казалось, весь пиршественный зал, заметить, как король и Роже де Багатель утешают графиню, упавшую в полуобморочном состоянии на кресло; мелкие капельки крови выступили у нее на щеках.

Видя это, Зефирина испытала огромное наслаждение. Она увидела, как прибежал на своих кривых маленьких ножках Каролюс, неся влажную тряпицу для своей госпожи; затем Зефирина уже не видела ничего.

Она чувствовала, что ее уводят в комнату, таща за собой, словно куль. Ее заперли на два поворота ключа.

Зефирина вновь оказалась одна в темноте. Она долго-долго плакала, прежде чем уснуть на рассвете под крики водоносов.

ГЛАВА VI
МОНАСТЫРЬ

– Господин маркиз, ваш отец, сейчас в приемной, мадемуазель де'Багатель! – предупредила мать Мария-София д'Анжелюс.

Зефирина весело отложила лютню, на которой наигрывала мелодию.

– О, вам везет, Зефи. Я надеялась, что это ко мне! – воскликнула юная девушка с круглым и свежим лицом.

– Идемте со мной, Луиза! – предложила Зефирина.

Девушки-подростки пробежали через зал со стрельчатыми сводами монастыря Сен-Савен, тогда как около сорока их соучениц, все – девушки из очень знатных семей, продолжали сидеть над вышивками, рисунками или за чтением Святого Евангелия.

– Не идите, а скользите, мадемуазель де Багатель, а вы, мадемуазель де Ронсар, держите выше голову! Следите за осанкой, барышни! – строго сказала мать Мария-София д'Анжелюс, которая никогда не шутила, когда речь шла о манерах.

Зефирина бросила заговорщический взгляд на свою подругу. Они выждали, когда монахиня повернется в другую сторону, а затем устремились бегом через тихий монастырский сад.

Волосы девушек были убраны под чепец с длинной вуалью; они были одеты как послушницы монастыря Сен-Савен – в синие с белым платья, только одна деталь – большой красный крест, вышитый на нагруднике, – отличала простых пансионерок от тех, кто посвятил свою жизнь Господу.

Столь строгое одеяние не могло скрыть, что из куколки, которой была Зефирина, вылупилась прекрасная бабочка. Капризный ребенок превратился в очаровательную девушку-подростка, уже почти сформировавшуюся, чей гибкий стан и изящные движения позволяли предсказать, какой очаровательной женщиной она станет. Одна из непокорных прядей медно-золотого цвета выбилась из-под чепца во время бега и теперь высовывалась из-под вуали. Под рыжевато-каштановыми ресницами сияли чудесные зеленые глаза, которые теперь, казалось, были еще больше, чем в детстве.

– Папа… папа!

Роже де Багатель прижал дочь к груди.

– О, папа, какая радость! Вы не были у меня в прошлый раз! Расскажите же обо всем, что вы делали!

Зефирина, задыхаясь, осыпала своего отца ласками и вопросами.

– Ну-ну! Спокойно, моя дорогая! Я думал, монастырь сделал тебя благоразумной.

– Папа, я очень благоразумная, я стала настоящей святой. Правда, Луиза?

– Именно так, господин маркиз, – подтвердила любезная Луиза де Ронсар с уверенностью, которая, однако, не до конца убедила Роже де Багателя.

– Пелажи! Ла Дусер!

Теперь Зефирина бросилась на шею тем двоим людям, кого, если не считать отца, любила больше всех на свете.

Время после полудня прошло очень приятно. В этот прекрасный весенний день маркиз повел юных девушек в парк, под старые кедры, чтобы угостить их пирожными и пирожками с начинкой из абрикосов, любовно приготовленными старой няней.

Когда юные девушки утолили молодой голод, Роже де Багатель взял дочь под руку. Они прогуливались вдвоем по парку монастыря Сен-Савен.

– Если бы ты вернулась в Багатель, Зефирина, все было бы в порядке? – вдруг спросил напрямик Роже.

Озадаченная Зефирина остановилась. Ее выразительные зеленые глаза потемнели. Брови, изящно очерченные и столь же тонкие, как линия на рисунке, сошлись над ее маленьким прямым носом.

– Вы хотели бы, чтобы я вернулась в замок, папа? – спросила Зефирина, внимательно глядя на отца.

Она внезапно заметила, что у маркиза усталый вид. У него были большие темные круги под глазами, а в бороде были густо рассыпаны серебряные нити.

– Тебе уже пятнадцатый год, Зефи, твое место – рядом с нами!

– Но, что подумает… графиня?

Зефирина не удержалась, чтобы не выказать сомнение.

Роже де Багатель помрачнел.

– Ты всегда была к ней несправедлива, Зефирина, и прекрати называть ее графиней, – с упреком сказал маркиз; он, к счастью, не знал, что Зефирина, в его отсутствие, всегда говорила «эта Сан-Сальвадор».

– Именно маркиза горячо вступилась за тебя. Она считает, что твое пребывание в монастыре продолжалось достаточно долго и наступило время, чтобы ты вернулась к нам!

«Действительно, удалить меня на семь лет – это было неплохо задумано!»

– Хорошо, папа, я буду счастлива вернуться. Я даже вам обещаю, что буду кроткой, вежливой, любезной с этой Сан… с маркизой де Багатель.

Роже де Багатель долго смотрел на дочь, пытаясь прочесть мысли этого маленького сфинкса.

«Боже… она еще красивее, чем моя бедная Коризанда!» – подумал Роже. Он вздохнул, нежно поцеловал свою дочь в лоб и, возобновив прогулку, объявил:

– Приготовь вещи, Ла Дусер приедет за тобой через две недели. Ах, да! Скажи своей подруге Луизе, что по пути сюда я сделал небольшой крюк и заехал в замок ее родителей. Господин и госпожа де Ронсар тоже желают, чтобы их дочь вернулась в отчий дом. Итак, вы поедете вместе…

Последующие дни Зефирина не находила себе места от возбуждения в ожидании отъезда, хотя в Сен-Савене была довольно счастлива.

На следующий день после «скандала» Пелажи и Ла Дусер поспешно отвезли девочку в этот монастырь – родовое владение семейства Сен-Савенов в долине Луары.

Сначала Зефирина дулась на монахинь. Обладая весьма любознательным умом, она совершенно не воспринимала алфавит, который старался вдолбить ей в голову брат Франсуа, ученый монах-францисканец.

– Огромным достижением человечества являются письменность и чтение, дитя мое! Какой же будет колыбель вашего разума, если вы не будете развивать эти драгоценные дары?

Зефирина, с трудом понявшая речи брата Франсуа, все-таки нашлась с ответом:

– Пелажи не умеет читать! И Ла Дусер тоже! И Бастьен, и Ипполит, и Сенфорьен, и папаша Коке, и…

Брат Франсуа прервал перечисление:

– Это не довод, дочь моя. Asinus asinum fricat[13]. Дурак дурака хвалит. Возможно, однажды небеса откроют науку каждому крестьянину, но сейчас только редкие избранные, одаренные отличными от других душой и телом, к числу которых принадлежите и вы, Зефирина, могут получать знания. К тому же, если вы не будете учиться, то что вам делать в этом монастыре? Если только вы не хотите остаться здесь на всю жизнь и стать монахиней, дабы лишь возносить выученные наизусть молитвы к Богу… Но если вы хотите впоследствии выйти в свет, воспользоваться благами жизни, ослепить современников блеском своих зна-

[13] Букв.: осел трет осла (лат.).

ний, не слушая ханжей и прозябающих во тьме невежд, тогда поглощайте пищу земную и пищу духовную. Вкушайте знания, питайте свой разум, дитя мое. Учитесь…

Эта речь, столь странная для монаха-францисканца, который, похоже, находил более предпочтительной жизнь мирскую, чем жизнь монашескую, понравилась Зефирине. Да, она хотела жить, ослеплять и очаровывать.

На следующий день она проснулась, горя нетерпением учиться. Она догнала и даже обогнала всех своих подруг, усваивая с невероятной легкостью греческий, латынь, итальянский, испанский, оправдав, таким образом, все надежды, которые брат Франсуа возлагал на нее.

– Моя лучшая ученица! – всегда говорил он с гордостью. – Она не самая дисциплинированная, но не все ли равно!? Она самая способная, – добавлял просвещенный монах, выказывавший всегда большую снисходительность к Зефирине; он всегда заступался за нее, когда юная необузданная девушка восставала против уроков вышивания, которому тщетно пыталась ее обучить мать Бертранда де л'Аннонсиасьон.

Лучшей подругой Зефирины в Сен-Савене тотчас же стала очаровательная Луиза де Ронсар, и их искренняя взаимная привязанность не ослабела с течением времени. Часто по вечерам, когда мать Жозефа гасила свечи в дортуаре[14], они вели долгие беседы, поверяя друг другу свои маленькие тайны, и смеялись как сумасшедшие, лежа под одеялом в постели, куда забирались вдвоем.

Однажды утром их застали спящими в объятиях друг друга! Ну и скандал же был, когда это обнаружила мать Жозефа! Виновниц тут же повели к аббатисе.

– Вы, нечистые, не стыдитесь телесного греха… Вас высекут… оденут власяницу…

Оторопевшие Луиза и Зефирина слушали, как задыхалась от возмущения толстая настоятельница монастыря, суля им вечный адский огонь.

Аббат Рубажу, которого Зефирина прозвала Колченогим, исповедал девочек-подростков. Попытавшись добиться признания перед распятием в грехе сладострастия, которому они предавались, Колченогий быстро убедился в очевидном: малышки были чисты и невинны, как ангелы.

Брат Франсуа, который никогда не сомневался в Зефирине и считал всю эту историю «вздором, выдуманным мегерами», торжествовал. Происшествие вскоре было забыто.

Примерно через месяц в монастырь Сен-Савен прибыла новая пансионерка – Альбина де Ля Рош-Бутэ; это была высокая черноволосая девочка, на два или три года старше Зефирины.

В течение нескольких дней сухая, надменная Альбина не сказала никому ни слова и не подружилась ни с кем из учениц. Зефирина и Бернадетта де Вомулер учтиво предложили ей сыграть в биту на лужайке, где пансионерки имели право развлекаться до обеда, с 11 часов утра. Но единственным ответом был ледяной взгляд этой холодной особы.

Следующей ночью Зефирина, которая не смела ложиться в постель к своей подруге Луизе после всех этих непостижимых драм, не спала. Лежа с открытыми глазами, она размышляла с тоской об отце, о своей дорогой Пелажи, о милом поместье Багатель, о Ла Дусере, о счастливом Бастьене, что вырастал на свободе, и о коне Красавчике, который, должно быть, смирно ждал ее на конюшне, как вдруг шепоток, донесшийся с соседней кровати, заставил ее насторожиться.

– Они все спят, не бойтесь, мой ангел!

В дортуаре было очень темно, однако Зефирина узнала, глядя сквозь полуприкрытые ресницы, Альбину, которая проворно скользнула под простыню к Бернадетте де Вомулер.

---

[14] Дортуар – спальня в женском пансионате, монастыре.

Не видя в этом ничего дурного, Зефирина собиралась закрыть глаза, когда услышала, что Бернадетта застонала:

– Нет, я не смею!

– Замолчи, глупышка!

Отдав этот приказ, Альбина склонилась над Бернадеттой. Зефирина, ожидая увидеть, как они расцелуют друг друга в щеки, как это часто делали они с Луизой, затаила дыхание. Голова Альбины двигалась, губы быстро и резво скользили от уха к шее Бернадетты, возвращались ко рту и вдруг, казалось, впились в него. Зефирина лежала, задохнувшись и онемев, слишком ошеломленная, чтобы двигаться, и слишком заинтересованная, чтобы смежить веки или отвернуться.

Медленным движением Альбина откинула простыню, подняла рубашку Бернадетты, лаская бедра и груди, чья белоснежная нагота заворожили Зефирину.

Теперь, казалось, Бернадетта стала проявлять нетерпение. Зефирина отчетливо видела, как она изгибалась от поцелуев и прикосновений Альбины. Короткие хриплые вскрики вылетали из ее горла, руки судорожно сжимались, вцеплялись в тюфячок. Внезапно Бернадетта осмелела, ее руки в свой черед скользнули под рубашку Альбины, обнажая тонкие упругие бедра, раздвигая ноги, задерживаясь в низу живота.

Горячая волна затопила Зефирину. Ее сердце громко стучало в груди. От внезапно охваченной огнем поясницы по всему телу распространялись волны. Пристыженная, испуганная и потрясенная, она не могла оторвать глаз от странного зрелища плотских утех, происходившего в нескольких футах от ее ложа. Вместе покачиваясь почти в одном ритме, обе девушки, казалось, доставляли друг другу с помощью непонятных круговых движений бедрами некое удовольствие и некую боль.

Вдруг Зефирина отчетливо увидела, что Альбина подпрыгнула, словно рыбка в воде. По ногам ее пробежала дрожь, а движения рук на теле подруги замедлились.

– Еще! – простонала Бернадетта.

– Теперь тебе нравится! А что будет, если я перестану? – прошептала Альбина с коротким смешком.

– Нет… нет… продолжай, прошу тебя! Мне нравится… это чудесно.

Бернадетта извивалась от нетерпения. Приподнявшись над своей подружкой, Альбина ловкими пальцами коснулась ложбины между ног, все убыстряя точные движения рук. Почти тотчас же, испустив глубокий вздох, Бернадетта расслабилась, и они обе остались лежать, задыхающиеся и неподвижные, словно бы умиротворенные.

На следующий день, как в часовне, так и во время игр и занятий, Зефирина тайком посматривала на Бернадетту и Альбину, но на их безмятежных лицах ничто не осталось от бурной ночи. Все более и более смущенная, Зефирина даже не осмелилась признаться в том, что видела, своей подруге Луизе.

На следующую ночь вновь возобновились те же проделки.

Зефирина спала все меньше и меньше. С пересохшим горлом она следила за ночными забавами Альбины и Бернадетты, которые делали явные успехи и, казалось, с каждой ночью становились все смелее.

Однажды утром, после того как сладко проспала проповедь аббата Рубажу, Альбина шепнула ей, когда они выходили из часовни:

– Вы плохо выглядите, дорогая Зефирина. Надеюсь, вы не больны?

Тон был любезен, но Зефирина не обманывалась на этот счет. Насмешливый огонек, горевший во взгляде Альбины, ясно говорил, что та прекрасно знает, отчего Зефирина не спит по ночам.

– Действительно, у меня бессонница, – бросила Зефирина не раздумывая, затем оглянулась вокруг и сказала с деланно-равнодушным видом:

– Но я сегодня не вижу «нашу» подругу Бернадетту. Вместо Альбины ответила Луиза де Ронсар:

– Она заболела, бедняжка. Опасаются, что у нее корь.

При этом известии Зефирина вздрогнула. Она была уверена, что Бернадетта подхватила болезнь во время ночных забав. Зефирина видела в этом знак божественной кары.

На неделю монахини изолировали Бернадетту. Это действительно была заразная лихорадка. Сначала ею заболели четыре ученицы, потом – еще три. Дортуар пустел. Зефирина, все более и более озадаченная, спрашивала себя: все ли заболевшие девочки поступали так же, как бедная Бернадетта? Однако ее смущало то, что Альбина должна была бы заболеть первой, но высокую черноволосую девушку зараза по-прежнему не брала. Новости о больных были очень дурны. Зефирина, как и все ее подружки, с ужасом узнала, что тяжелее всех больна Бернадетта. Ученые мужи считали, что у нее мало шансов выжить. В одну и ту же ночь ей несколько раз пускали кровь. К утру она не умерла, и у всех вновь возродилась надежда. Дни проходили в покаянии, в выполнении девятидневного молитвенного обета; они молились о выздоровлении больных.

Однажды во время вечерни брат Франсуа, имевший обширные познания в медицине, объявил во время проповеди, что Бог внял молитвам и что все девушки теперь вне опасности.

В ночь, последовавшую за этой доброй вестью, когда Зефирина почти была готова подумать, будто ей приснилось все, что происходило между Альбиной и Бернадеттой, ее заставил вздрогнуть чей-то шепот:

– Вы мне дадите местечко, Зефирина?

Это была Альбина де Ля Рош-Бутэ. Не дожидаясь ответа, она проворно юркнула в постель. Ни жива ни мертва, Зефирина съежилась под простыней.

– Боже мой, вы замерзли, – прошептала Альбина, схватив за руки, которыми Зефирина судорожно вцепилась в тюфячок. – Не бойтесь, дорогая, я только хочу вас согреть! – очень ласково промолвила Альбина.

С этими словами она пыталась прижать Зефирину к груди.

– Я… я ничего не боюсь! – заявила Зефирина, хотя зубы у нее стучали от страха. – Но я не хочу подхватить корь.

– Об этом и речи нет, мой ангел. Бедная Бернадетта, как глупо было так заболеть! Наконец-то… вот мы и успокоились. Она мне очень нравилась… Кстати, вы, плутовка, знали об этом… Вы достаточно на нас нагляделись…

Руки Альбины ласкали лоб и волосы Зефирины.

– Я… я не могла поступить иначе! – возразила Зефирина, дрожа от холода.

Она знала, что должна была бы оттолкнуть Альбину, вскочить, бежать прочь из дортуара. Начинала бить дрожь, видимо, вызванная любопытством или страхом.

Опытный рот Альбины приблизился к лицу Зефирины. Продолжая шептать, она коснулась ее лица своими губами, языком, мочками ушей.

– Однако, дорогая, вы мне понравились, как только я вас увидела, но вы внушали мне робость. Вы такая красивая, Зефи, я грезила о ваших волосах, мечтала зарыться в них лицом… Вы так меня возбуждаете… мне хотелось еще…

Многоопытные пальцы Альбины играли с распахнутым воротом ее рубашки. Зефирина чувствовала, как они прикасаются к ее круглым грудям, соски на которых вдруг странно поднялись. Это были томительные и наводившие ужас ощущения; Зефирине казалось, что сердце перестало биться у нее в груди. Теперь Альбина скользнула рукой вниз по ее бедрам, приподняв тонкую батистовую рубашку. Огненный шар подкатил к горлу Зефирины. Альбина старалась раздвинуть ее колени. Сопротивляясь изо всех сил, Зефирина крепко сжала ноги.

– О, вы никогда не пробовали, ни с кем из ваших подруг! – удивилась Альбина. – Позвольте мне сделать это, дорогая. Я очень горжусь, что вы первой избрали меня… Я сейчас вам покажу, какое истинное наслаждение можем доставить друг другу мы, девушки.

С легкостью перышка Альбина прикоснулась к ложбинке между ног.

Внезапно Зефирина ощутила нечто похожее на огонь – Альбина добралась до самого сокровенного уголка ее тела. Зефирину охватила нервная дрожь. Разумеется, это было первым признаком заболевания корью.

Вопль, который испустила Зефирина, заставил Альбину вскочить с постели. Все пансионерки внезапно проснулись.

– Пресвятая Дева! Что случилось, мадемуазель де Багатель?

Это прибежала толстая мать Жозефа, забавно путаясь в своей длинной ночной рубашке и держа свечу в руке.

– Я… у меня корь, матушка! – заявила Зефирина; у нее щеки горели и дрожали ноги.

Ее сейчас же поместили в келью для больных. Уверенная в том, что совершила ужасный грех, Зефирина потребовала власяницу. К огромному восторгу сестер, она беспрестанно молилась, умерщвляла плоть по ночам, дойдя до того, что занялась самобичеванием, стоя на коленях на каменных плитах.

После недели молитвенных бдений и поста Зефирина похудела, но вернулась «выздоровевшей» в круг своих подруг. Она очень боялась встретиться с Альбиной, но с облегчением узнала, что госпожа ле Ля Рош-Бутэ увезла свою дочь, намереваясь выдать замуж за какого-то богатого кузена.

После ее отъезда Зефирина вздохнула свободно и попыталась забыть волнующие ощущения, которые испытала в объятиях этой девушки.

ГЛАВА VII
МАВЗОЛЕЙ

Две недели, данные маркизом де Багатель на сборы, пролетели очень быстро.

Утром в день отъезда Луиза и Зефирина, взволнованные тем, что покидают монастырь, где прошло их детство, захотели совершить последнюю прогулку по парку монастыря Сен-Савен.

Взявшись под руки, обе девушки, тоненькие и очаровательные в своих синих с белым платьях, болтали, с восторгом строя планы на будущее.

– Мы будем жить всего лишь в трех лье друг от друга.

– Имея Красавчика, я легко смогу навещать вас, Луиза!

– Каждый день!

– Обещаю.

– Ох, мне так не терпится, чтобы вы познакомились с моим братом Гаэтаном, Зефи.

– Мне тоже!

– Я часто пишу ему о вас в моих письмах…

– А что он вам отвечает?

– Что вы, разумеется, не такая красивая, какой я вас описываю!

Девушки прыснули со смеху.

– Если мачеха будет вам досаждать, Зефи, вы поселитесь у нас в имении Поссонньер, – предложила Луиза.

– Моя мачеха…

Внезапно лицо Зефирины помрачнело.

– Но, в конце концов, почему вы ее ненавидите, Зефи?

– Честно говоря, Луиза, не знаю! – признала Зефирина, склонив головку в белом чепце.

– Возможно, просто потому, что она вышла замуж за вашего отца, заняла место вашей матери?

– Да, возможно, – признала Зефирина. – Вы моя единственная подруга. Я признаюсь, что часто, по ночам… мне снится эта Сан-Сальвадор. Ее лицо закрыто вуалью, но я знаю, что это она; она наклоняется надо мной, мне страшно… и вдруг она начинает насмехаться: «Пока я оставляю тебе жизнь!» В сущности, Луиза, я, должно быть, сумасшедшая! – весело заключила Зефирина.

– Сумасшедшая… сумасшедшая… сумасшедшая! – словно эхо повторил чей-то насмешливый голос.

Любой другой, оказавшийся на месте Луизы и Зефирины, мог бы испугаться существа с пергаментным лицом, которое показалось из леса, но обе девушки-подростка очень хорошо знали мамашу Крапот, старуху-лесничиху, жившую в одиночестве на самом краю парка в плохонькой саманной лачуге.

– Здравствуйте, мамаша Крапот, – сказала Луиза.

– Или, скорее, до свидания! – поправила Зефирина.

– Я знаю, вы уезжаете, скверные девчонки. Я ждала вас… я искала вас… Так идите к черту, – проворчала старуха, согнувшись под огромной вязанкой хвороста.

– Должно быть, выпила! – прошептала Луиза со смешком. Действительно, мамаша Крапот, казалось, была во власти сильного возбуждения. Она ударяла по кустам сучковатой дубиной, продолжая бурчать:

– Они все уезжают, как эта воровка… никто об этом не знал, но мамаша Крапот ее видела, она об этом скажет… злая монашка.

– На кого вы сердитесь, мамаша Крапот?

Зефирина безбоязненно приблизилась к обливавшейся потом старухе.

– Ну-ка, дайте мне вашу ношу, матушка, это слишком тяжело для вас. Мы понесем эту вязанку вместе с моей подругой.

Старуха вызывала чувство жалости, и Зефирина, желая совершить доброе дело, к чему всегда призывал их Колченогий, освободила лесничиху от вязанки.

– Я давно тебя знаю, вот уже долгое время я наблюдаю, как ты растешь, ты очень смелая малышка, в этом тебе не откажешь…

Продолжая тяжело дышать, старуха вытащила маленькую фляжку из засаленного рукава и отпила три больших глотка. Сильный запах водки тотчас же распространился в свежем утреннем воздухе. Лесничиха с видимым удовольствием щелкнула языком, потом пошла впереди двух девушек, внезапно приободрившись.

– Сюда, милочки… Итак, вы уезжаете… Вы увидите много чудных вещей в свете… хи-ха… Они все сумасшедшие… сумасшедшие… сумасшедшие. Идите сюда, это я храню пергаменты этого дьявола. Он пишет всю ночь, этот дурной монах… всю ночь…

Мамаша Крапот вышла на маленькую поляну, окруженную березами, и дала знак девушкам положить вязанку на землю. Не обращая внимания на саманную лачугу, около которой хрюкал черный поросенок в окружении каркающих ворон, старуха направилась к крохотной часовне, скрытой от взглядов беспорядочно растущим колючим кустарником. Луиза и Зефирина встревоженно переглянулись. Должно быть, почувствовав их беспокойство, старуха усмехнулась, толкнув в ту же минуту расшатанную дверь часовни.

– Не бойтесь, милочки; вы были добры к мамаше Крапот; она привела вас сюда, чтобы сделать подарок.

Девушки прищурили глаза, чтобы привыкнуть к темноте. Они находились внутри древнего склепа. Могильный камень весь зарос мхом и вьюнками. Однако мамаша Крапот была права: кто-то, должно быть, пользовался этим уединенным убежищем. Пол был усыпан листами пергамента. Наполовину оплывшие свечи стояли в нишах сырых стен.

Зефирина подошла к плохо сбитому колченогому столу. Листы толстой рукописи, где лишь недавно высохли чернила, казалось, ожидали прикосновения руки своего владельца.

Зефирина наклонилась, чтобы разобрать название, написанное красивыми готическими буквами:

– Бесценная… жизнь великого Гаргантюа, роман брата Франсуа Рабле… Ну и ну!

– Брат Франсуа! – повторила Луиза.

Девушки посмотрели друг на друга в полном изумлении; потом обе одновременно прыснули со смеху.

– Ах, он затворник! Пишет романы… Посмотрите, Луиза: Пантагрюэль, Козлонос, гер Триппа… Ох! – воскликнула шокированная Зефирина.

– Я вас спрашиваю, Зефи, кому придет в голову читать романы, написанные монахом, – насмешливо промолвила Луиза.

Зефирина не ответила. Она искренне любила брата Франсуа, и ей не хотелось, чтобы над ним смеялись.

– Не надо ничего трогать. Не трогайте его рукопись, – посоветовала она подруге.

Решив, что уже видели все, они захотели выйти на свежий воздух.

– Что сказано, то сказано! Не уходи без подарка, малышка. Именно тебе я должна его отдать! – проворчала мамаша Крапот. – Ну-ка, иди, помоги мне.

Старуха, опустившись на колени на каменные плиты, с трудом повернула с помощью деревянного бруса подставку под двумя погребальными урнами, на которых Зефирина с удивлением прочитала надпись: «Гуго и Гортензия Сен-Савен. Их тела и сердца были соединены в жизни. Они соединятся и в смерти. 1170–1190».

– 1190. Третий крестовый поход. Это мои предки, Луиза. Им было по двадцать лет. Но почему они здесь?

Более взволнованная, чем бы ей хотелось, Зефирина повернулась к своей подруге.

– Ничего удивительного, Зефи. Это аббатство всегда принадлежало семье твоей матери.

– Да, но почему их сердца погребены отдельно от остальных в часовне, а не находятся там, где лежат члены семьи Сен-Савен, в склепе аббатства? – спросила Зефирина.

– Хи-хи, потому что они были наказаны, наказаны так же, как будет наказана злая монашка Генриетта, которая украла… украла… Это мамашу Крапот высекли вместо нее, высекли до крови. Аббата схватили, но он не сознался даже на дыбе… Дурной священник… Дурная монашка… Тем хуже для них, они будут гореть в аду, колдуны… колдунья… река не отдала ее…

Крючковатыми пальцами старуха вытащила из дыры, скрытой позади урн, маленькую железную шкатулку и без труда открыла замок.

– Вот, держи, малышка, оно принадлежит тебе… я знаю… бери… эта безделушка подойдет к твоим зеленым глазам!

Старуха протянула Зефирине длинную цепь, разделенную на пластинки, усыпанные драгоценными камнями; на конце ее блестел изумруд величиной с орех, зажатый в когтях орла с человеческой головой.

– Но я знаю это украшение! – прошептала пораженная Зефирина. – Луиза, посмотрите, это невероятно. У мамы был точно такой же медальон. Папа показал мне его перед отъездом на войну и сказал мне, что он будет принадлежать мне, когда я стану взрослой. Я была тогда маленькой, но я его никогда не забывала. Единственное отличие в том, что вместо орла была змея. С этим медальоном даже была какая-то история. Негодная служанка хотела украсть его у моей бедной матери в ту ночь, когда она умерла. Неужели возможно, что существуют два столь странных и почти одинаковых украшения?

Зефирина повернулась к своей подруге Луизе, как будто бы у той был ключ к разгадке этой тайны.

Насмешливый голос мамаши Крапот заставил девушек вздрогнуть.

– Хи-хи-хи! Ты и вправду дочь прекрасной Коризанды. Ну ладно, бери и уходи… уходи…

С этими словами мамаша Крапот положила пустую шкатулку в тайник.

– Боже мой, мамаша Крапот, так вы знали мою маму! – воскликнула Зефирина, не двинувшись с места, а затем добавила:

– Расскажите мне о моей тете Генриетте де Сен-Савен… об этой несчастной, что утонула во время разлива реки…

– Замолчи… замолчи, скверная девчонка… Я не говорила этого, я ни в чем не призналась. Они не поймают мамашу Крапот… Ну, уходи… уходи же… Я не хочу тебя больше видеть никогда! Они опять будут бить меня. Уходите, я прогоняю вас, я прогоняю вас!

Внезапно озлобившись, сумасшедшая старуха подняла свою дубину. Пришедшие в ужас Луиза и Зефирина выскочили из склепа.

– Не возвращайтесь сюда, иначе вы будете иметь дело со мной, скверные девчонки!..

Когда они бежали сквозь заросли орешника, голос мамаши Крапот продолжал их преследовать. Убегая так стремительно, – словно сам дьявол гнался за ней по пятам, Зефирина сжимала в руке медальон с изумрудом.

Оказавшись в месте, откуда уже были видны постройки монастыря, она спрятала его в рукав своего платья.

– Пресвятая Дева, барышни, на кого вы похожи! – воскликнула мать Мария-София д'Анжелюс, задохнувшись от возмущения при виде съехавших набок чепцов и раскраснев-

шихся щек своих овечек. – Так-то вы воспользовались нашими наставлениями? Подите причешитесь и наденьте мирские платья. Оруженосец вашего отца ждет вас, мадемуазель де Багатель.

В полдень обе пансионерки, полностью преобразившись в двух девушек из хорошего общества, распрощались со своими подругами и монахинями из аббатства Сен-Савен. Зефирина теперь была одета в короткий дамский жакет гранатового цвета и широкую юбку из серой тафты. Ее прекрасные волосы цвета червонного золота, причесанные на прямой пробор, виднелись из-под красной бархатной шляпки-ракушки. Грациозная девушка-подросток с лихо воткнутым в шляпку белым пером могла легко сойти за взрослую барышню шестнадцати-семнадцати лет. Луиза, в своем голубом шелковом наряде, тоже была очаровательна, хотя по характеру и по внешнему виду была менее яркой, чем ее подруга.

– До свидания, матушка! До свидания, сестры!

– Да благословит вас Господь, дети мои, – говорили монахини, целуя девушек в лоб.

– До свидания, отец мой! Спасибо вам за все, чему вы меня научили! – учтиво сказала Зефирина, подойдя к брату Франсуа.

– Прощайте, дитя мое, – сказал монах вкрадчиво. – Я ухожу на покой к благочестивым бенедиктинцам. Одиссея Книги Жизни заставляет меня думать, что наши с вами прихотливые дороги больше не пересекутся. Однако знайте, что подобно Софоклу, наставнику Алкивиада, я очень счастлив тем, что, испытывая к вам огромные отцовские чувства, дал вам амбру, мускус и горечь разума!

Медленным движением брат Франсуа осенил крестом склоненную головку Зефирины. Лукавый дьявол как будто бы подтолкнул Зефирину, и она воспользовалась моментом, чтобы прошептать:

– В любом случае, я надеюсь, что все это мне пригодится, когда однажды я буду читать «бесценную жизнь мессира Гаргантюа»!

Внезапно округлившиеся глаза брата Франсуа Рабле поведали ей, что она сумела отомстить за всю греческую и латинскую премудрость, которыми пичкал ее добрый монах в течение долгих лет учебы…

– Прощайте, брат Франсуа! Прощай монастырь Сен-Савен! Прощай, детство! Погоняй, Ла Дусер!

Четыре мула, впряженных в повозку, весело стучали копытами по дорогам долины Луары. Да здравствует свобода!

Радостными криками отвечали Луиза и Зефирина на приветствия крестьян, работавших в полях. Трясясь в открытой повозке, на свежем воздухе, укрывшись от весеннего солнца под установленным на повозке балдахином, они восхищались всем: деревнями, приютившимися под сенью лесов, стрелами колоколен, виноградниками и своенравной рекой, которая лениво текла меж своих серебристых берегов.

– Воистину, барышни, это изумительно! Как у нас говорят: «Луара – это баба, обцелованная нашими королями…» О, простите…

Очень гордый тем, что был произведен в чин пажа, Ла Дусер делился личными впечатлениями, указывая пальцем на королевские воды. Его обязанности ментора были легкими. Луиза и Зефирина восхищались всем, приходили в восторг от всего, смеялись и поминутно просили остановить мулов, чтобы лучше осмотреть окрестности.

Солнце отражалось в водах реки. Ослепленная, захмелевшая от свежего воздуха, от света и от нового чувства свободы, Зефирина прикрыла глаза рукой. Лодочники ловко и уверенно вели свои суденышки меж покрытых зеленью островков и песчаных отмелей. Паром, на котором находилось около дюжины молодых всадников, пристал к берегу. С громкими криками и восклицаниями эти щеголи в охотничьих костюмах, вскочили на своих лошадей. Они галопом пронеслись мимо девушек в повозке, когда Луиза вскричала:

– Гаэтан! Гаэтан!

Один из всадников придержал свою лошадь.

– Клянусь зеленым единорогом! Луиза… это вы! Господа, смилуйтесь! Остановитесь! Это моя младшая сестра!

Как настоящий кавалер, юноша спрыгнул с лошади на каменистую дорогу. Изящным движением сняв украшенную султаном из перьев шляпу, он проворно взобрался на повозку.

– О, Гаэтан!

– Луиза! Родители уже известили меня о вашем приезде в Посонньер. Итак, вы возвращаетесь из монастыря. Ведь я по крайней мере три года совсем не видел вас… Дайте мне на вас полюбоваться, сестренка! Вы превратились в настоящую барышню!

Пылко расцеловавшись с братом, обретенным после долгой разлуки, Луиза обернулась к подруге:

– Зефи, дорогая, представляю вам моего брата Гаэтана!

Внезапно оробев от присутствия мужчины, Зефирина сумела лишь только привстать, чтобы сделать реверанс, затем с чопорным видом склонила голову.

– Ах, так вы та самая знаменитая Зефирина де Багатель, о которой нам всегда пишет в письмах Луиза! Ваш покорный слуга, мадемуазель!

Гаэтан де Ронсар поклонился с изяществом и непринужденностью человека, постоянно бывающего в обществе.

Еще безусый и безбородый, он был старше Луизы и Зефирины всего на два или три года. Он был высок ростом и хорошо сложен, его голова намного возвышалась над головами девушек. Тонкий, очаровательный, с каштановыми волосами и серыми глазами, в которых отражалось небо над Луарой, Гаэтан де Ронсар медлил, и было видно, что молчание Зефирины возбудило его любопытство.

Его спутники уже окружили повозку. Они смеялись, наклонялись к шеям своих лошадей, надвигали на глаза шляпы и круглые береты, из-под которых спадали на плечи довольно длинные волосы, дерзко, в упор разглядывая девушек.

– Клянусь Богоматерью, оруженосец, вы правите довольно красивой упряжкой!

– Остерегитесь, как бы в дороге у вас не похитили эти прелестные создания! – любезничали молодые люди, делая вид, что обращаются к Ла Дусеру, но в то же время отвешивая глубокие поклоны девушкам.

– Черт побери, Ронсар, вы что, о мулах так говорите? – воскликнул, смеясь, красивый щеголь, сидевший верхом на сером в яблоках жеребце.

– Что это вы там несете, Буа-Леже, мои ослепленные глаза могут видеть только солнце!

От взглядов молодых мужчин, от их двусмысленных слов Зефирина чувствовала себя все более и более неловкой, несчастной, глупой. Она вдруг рассердилась на брата Франсуа и на монахинь из Сен-Савена, ибо те совершенно не научили ее, как вести себя в подобных обстоятельствах.

«У них такой вид, будто принимают нас за тупых гусынь. Какая наглость! Я должна сбить с них спесь и сказать что-нибудь умное!» – думала Зефирина, испытывая адские муки, но в голове у нее было совершенно пусто.

Некоторые всадники уже выказывали нетерпение:

– Довольно, Ронсар! Простите нас, барышни! Кабан ждать не будет!

Призванный к порядку, Гаэтан раскланялся:

– До свидания, сестрица! До очень скорого свидания! Мадемуазель де Багатель, мое почтение! Я надеюсь скоро вас увидеть!

Гаэтан задержал дольше, чем положено, пальцы Зефирины в своей руке без перчатки.

Зефирина, хотя очень неопытная, чувствовала, что юноша старается поймать ее взгляд. Странное томление охватило девушку. Стоя на внезапно ослабевших ногах, она хотела улыб-

нуться томной улыбкой, но тут же поняла, что не следует вести себя подобно одураченной индюшке. Внезапно на нее снизошло озарение, и она сухо бросила:

– Ut fata trahunt! Как поведут нас судьбы, сударь!

При этой реплике Гаэтан замер, и было видно, что он ошеломлен.

Юная вздорная и чопорная девица, почувствовав в парусах дуновение ветра победы, решила еще более подчеркнуть свое превосходство.

– Tranit sna quemque voluptus, что означает, как известно каждому: «о вкусах не спорят, и каждый получает свое удовольствие в том, в чем он его находит…» К вашим услугам, сударь! Господа, нас ждут! Вперед Ла Дусер! Tarde venientibus ossa, что означает: «тот, кто опаздывает к столу, получает лишь кости».

И более не заботясь о совершенно ошеломленных такой образованностью молодых охотниках, Зефирина вновь уселась под балдахином повозки.

– Ох, ну и люблю же я всякие такие штучки! О-ля-ля… какая же вы ученая барышня, Зефирина! – восторгался Ла Дусер, щелкая кнутом.

Звук галопа возвестил Зефирине, что всадники удаляются.

– Это правда, вы были удивительны, Зефи. Гаэтан все смотрел на вас, так смотрел… но он, бедняга, едва умеет читать, вы его повергли в совершенный ужас! Он никогда больше не осмелится заговорить с вами!

Не отвечая на смех своей подруги, Зефирина обернулась, чтобы бросить взгляд на облачко пыли, постепенно исчезавшее у опушки леса.

Мулы вновь весело застучали копытами. Луиза и Ла Дусер перебрасывались фразами, Зефирина же слышала лишь их голоса, не понимая смысла слов. Прохладный свежий воздух внезапно опьянил ее. Ветер трепал отливавшие медью пряди. Ее глаза, более зеленые, чем трава на лугах, сверкали.

Очаровательным жестом Зефирина прижала обе руки к сильно бившемуся сердцу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВРАГ

ГЛАВА VIII
МАЧЕХА И ПАДЧЕРИЦА

Была уже почти ночь, когда Зефирина, проводив свою подругу Луизу де Ронсар в Поссонньер, оказалась в поместье Багателей.

Ей очень хотелось подняться к себе в комнату, открыть свой дорожный сундук, чтобы привести себя в порядок, но Пелажи, расцеловав ее в обе щеки, объявила, что «господин маркиз и госпожа маркиза ждут ее в розовой гостиной».

– Будь с ней поласковее! – посоветовала Пелажи.

Зефирина не могла больше отступать. Нужно было примириться с неизбежностью и отдать дань вежливости мачехе. Донья Гермина тотчас же поднялась с места, опередив мужа, как только вошла Зефирина:

– Дорогая малютка, я так счастлива… Какой прекрасный день, день возвращения блудного чада. Подойдите скорей, дайте мне вас обнять!

Шелестя шелком платья, «эта Сан-Сальвадор» приближалась, протягивая к ней руки.

– Добрый вечер, суда… матушка! – вовремя спохватилась Зефирина, приседая в. глубоком реверансе.

– Тс-тс-Тс! Чтобы этого не было между нами, дорогая!

Донья Гермина подняла Зефирину, чтобы прижать к своей груди, затем удерживая ее на расстоянии вытянутой руки, посмотрела на нее проницательным взглядом.

Зефирина ответила тем же. В течение секунды мачеха и падчерица следили друг за другом, оценивая и примериваясь друг к другу.

В сущности, кроме того вечера, когда Зефирина ее оцарапала, они никогда не встречались с доньей Герминой. Она почти забыла, до какой степени «эта Сан-Сальвадор» красива, ласкова, элегантна, какой у нее низкий и мелодичный голос, удерживающий собеседника в плену его очарования. Зефирина вновь ощутила ее колдовской запах, увидела роскошные волосы цвета воронова крыла, заплетенные в толстые косы и перевитые тонкими нитями мелкого жемчуга.

Что же касается доньи Гермины, если она и была удивлена прелестным личиком той, что подняла на нее глаза, его полусерьезным и шаловливым, задумчивым и волевым выражением, восхитительными глубокими зелеными глазами, столь же изменчивыми, как океан, взгляд которых будет очаровывать и волновать мужчин, – то ничем не выдала своих чувств.

– Дорогая, милая моя Зефирина, вы стали изумительной девушкой!

Донья Гермина поцеловала падчерицу в лоб. Зефирина не смогла сдержать дрожь при прикосновении холодных губ.

Роже де Багатель с умилением наблюдал за этой сценой. Зефирина и в самом деле не ожидала столь горячего приема. В конце концов, обретя благоразумие и желая доставить удовольствие обожаемому отцу, Зефирина была готова отрешиться о злопамятства избалованного ребенка.

– Идите сюда, дорогая, я вам представлю моего Рикардо. Ему так не терпелось с вами познакомиться. Сокровище мое!

Маркиза де Багатель, продолжая держать Зефирину за руку, повлекла ее к тщедушному подростку на вид лет четырнадцати-пятнадцати.

«Сокровище» играло в бильбоке[15] перед высоким камином. Мальчик едва поднял свою черноволосую голову, чтобы поздороваться с Зефириной. Рикардо де Сан-Сальвадор ни в чем не походил на свою прекрасную, достойную резца скульптора, мать. У него были хилые ноги, впалая грудь, гноящиеся глаза на дряблом прыщавом лице.

Тотчас же испытав чувство гадливости к этому мальчишке и потеряв к нему всякий интерес, она подбежала к отцу и положила свою золотистую головку ему на плечо.

– Папа, дорогой!

– Моя Зефи!

На короткое мгновение они заключили друг друга в объятия.

Тут же раздался мелодичный голос маркизы:

– Ваша новая комната готова, моя дорогая!

– Я больше не буду в прежней? – удивилась Зефирина.

– Та комната недостаточно велика и удобна, я приготовила прекрасные апартаменты в южном крыле, думая о вас, моя дорогая малютка.

Это было очень любезно, и возражать было бы неучтиво. Впрочем, Зефирине даже понравились новые владения. Речь шла о трех элегантных комнатах: будуаре, гостиной и примыкавшей к ним туалетной комнате, в которой находились кувшины для воды, тазы и корыта. Маркиза де Багатель была столь предусмотрительна, что не забыла о духах и душистых притираниях.

Зефирина освежила лицо, пока Пелажи укладывала ее вещи в сундуки и короба. Продолжая болтать с нянюшкой, Зефирина переоделась.

Пелажи рассказала ей обо всем, что произошло в течение семи лет, проведенных ею в пансионе. У бедного папаши Коке случился удар. Парализованный и немой, он влачил жалкое существование в маленьком домишке в деревне. Опечаленная Зефирина пообещала навестить старого садовника. Братья-близнецы Ипполит и Сен-форьен взяли себе в жены двух сестер-двойняшек из Амбуаза. Бастьен, родной племянник Пелажи, служил теперь на конюшнях, ухаживая за лошадьми.

Зефирина решила, что завтра же утром побежит обнять его. Пелажи тотчас же вскричала:

– Не забывай, что Бастьен, несмотря на все милости господина маркиза, всего лишь крепостной. Его отец, мой покойный брат, так никогда и не стал вольным. Ты теперь барышня, мое сокровище, и должна помнить о своем положении!

Зефирина, на которую глубокое впечатление произвели весьма современные идеи брата Франсуа, оставила за собой право пренебречь условностями и перевела разговор на мачеху и ее сына Рикардо.

Внезапно заторопившись, Пелажи ничего не ответила, сказав только:

– Колокол скоро зазвонит к ужину. Спускайся тотчас же, госпожа маркиза любит точность. Не серди ее, и все будет хорошо!

Произнеся эту двусмысленную фразу, Пелажи закрыла дверь.

Оставшись в одиночестве, Зефирина проворно расшнуровала свой корсаж и вытащила медальон с изумрудом, больно царапавшим кожу. Какое-то мгновение она задумчиво рассматривала переливающиеся камни при свете свечи. Это украшение ей не принадлежало. Оно, несомненно, было очень дорогое. Уже много раз Зефирина собиралась сказать о нем сначала отцу, потом Пелажи, но присутствие маркизы и недомолвки кормилицы заставили ее отложить это на некоторое время. Внезапно, вертя в кончиках пальцев блестящие камни, Зефирина заметила тоненькую застежку на медальоне. Поддев ногтем, она открыла ее: изумруд оказался полым внутри, как пустой орех. Зефирина нерешительно огляделась вокруг.

[15] Бильбоке – старинная игра, для которой используется палка с привязанным к ней шариком.

Кровать под балдахином не показалась ей надежным тайником. Она завернула медальон в одну из своих рубашек, потом проворно залезла на скамеечку из дикой вишни, чтобы забраться в нишу статуи, изображавшей стоящего в полный рост Святого Михаила, поражающего дракона копьем. Зефирина спрятала свой сверток за основание статуи. Она едва успела спрыгнуть, как дверь комнаты отворилась.

– А ты здорово выросла, толстуха!

Это был карлик Каролюс, он вошел в комнату, с достоинством переваливаясь с боку на бок.

– А вот ты и вправду не изменился! Все такой же маленький и не воспитанный! – метко парировала Зефирина.

– Хо-хо! Язычок у тебя по-прежнему хорошо подвешен, рыжая лягушка! – расхохотался Каролюс.

Он бесцеремонно прыгнул на кровать. Удобно вытянувшись на пуховой перине, он скрестил коротенькие ножки.

От такой наглости Зефирина вскипела:

– Доставь мне удовольствие, немедленно убравшись отсюда, и предупреждаю тебя, что больше не потерплю твоих насмешек, недоносок!

– О! Рыжая лягушка, разве можно так обращаться со своим старым другом Каролюсом?

– Запрещаю называть меня рыжей лягушкой!

Зефирина бросилась на карлика, словно фурия. Она подняла руку, готовая ударить. Быстрый как молния, Каролюс спрыгнул в нишу между стеной и кроватью.

– Хи-хи, не стыдно тебе, большая трусиха, бросаться на бедного маленького и беззащитного карлика!

– Убирайся! Я тебя ненавижу! – зарычала Зефирина с побледневшими от ярости губами.

Каролюс не заставил повторять это дважды и со всех ног бросился в темный коридор.

– Я его ненавижу! О! Я его ненавижу!

Зефирину била нервная дрожь. Колокол зазвонил к ужину.

Зефирина впервые сидела за столом с отцом, мачехой и Рикардо. Последний, несмотря на свою тщедушность, был настоящим обжорой: он по три-четыре раза запускал облепленные жиром руки в каждое блюдо.

Зефирина не понимала, как маркиз де Багатель терпит у себя за столом подобного поросенка. Но Роже, казалось, ничего не замечал. К тому же он был очень возбужден, рассказывая жене новости королевского двора.

– Король, моя дорогая, держится в стороне, соблюдая величайшую осторожность, однако позволил профессорам богословского факультета Парижского университета осудить этого Мартина Лютера!

– Но разве нет в этой Реформации некоторых интересных идей? – с невинным видом спросила маркиза де Багатель.

– Дорогая, вы же знаете, я всегда с вами согласен, но в данном случае, Гермина, разрешите сказать вам, что вы ничего в этом не смыслите! – воскликнул Роже.

От изумления он даже положил обратно на тарелку отбивную из кабана, которую уписывал за обе щеки.

– О, разумеется, друг мой, я всего лишь слабая женщина и ничего не понимаю в философии!

Притворно вздохнув, прекрасная Гермина подцепила двумя изящными пальчиками крылышко цесарки и грациозно поднесла его к своим губам.

– Речь идет не о философских идеях, Гермина! Это еретические учения о таинствах, об устройстве церкви, о покаянии, об исповеди и даже о чистилище!

– Да убережет меня Господь от подобных мыслей! К счастью, вы все понимаете, Роже, и так хорошо умеете объяснять! – прошептала маркиза де Багатель.

Роже улыбнулся с едва заметным самодовольством. У Зефирины вдруг появилось ощущение, что мачеха прекрасно знает, о чем говорит и что ее подчеркнутое невежество предназначено лишь для того, чтобы польстить маркизу.

– Но невозможно было поверить, что, начиная с 31 октября 1517 года, того самого дня, когда этот Лютер вывесил девять своих скандально известных предложений на двери церкви, его мерзкие идеи завоюют столько умов. Король, который, однако, всегда благоволил новым веяниям, доверительно сообщил мне, что инстинктивно чувствует опасность лютеранских пасквилей!

Роже де Багатель схватил с блюда, которое ему протягивал Сенфорьен, ножку куропатки и капусту. Пока он с жадностью уписывал сочное мясо, Зефирина осмелилась спросить:

– Но кто такой этот Мартин Лютер, отец?

– Разумеется, тебе о нем в монастыре не говорили, и было бы лучше, если бы так же поступали все.

Роже де Багатель окунул пальцы в кувшин с душистой водой и вытер подбородок, по которому стекал жир дичи, а затем продолжил:

– Это монах из-за Рейна, из Виттенберга, чтобы быть более точным, принадлежавший к ордену монахов-августинцев, который несколько лет назад бросил призыв к Реформации; он распространяет дурное религиозное учение, исполненное мерзостных заблуждений, и призывает к бунту против католической церкви. Вы должны знать, Зефи, что всякий, кто думает, как Мартин Лютер, – безбожник, ибо приговор Сорбонны, вынесенный неделю назад, обжалованию не подлежит. Учение его признано схизматическим, противоречащим Священному Писанию и кощунственным по отношению к Святому Духу. Подумайте только, этот Лютер обозвал его святейшество папу «Антихристом» и даже «дурацкой ослиной головой».

Придя в ужас от этих слов, Зефирина несколько раз перекрестилась, как и положено было поступить, дабы отогнать от себя дьявола.

Оглушительный грохот заставил ее подскочить. Братья-близнецы Ипполит и Сенфорьен, еще более напуганные, чем барышня, рассказом хозяина, уронили эмалевые тарелки на натертый воском пол.

Оглядев осколки, Зефирина вдруг быстро подняла голову. Она могла бы поклясться, что увидела в розовом свете канделябров, как по другую сторону широкого стола донья Гермина закусила губы, чтобы не улыбнуться.

ГЛАВА IX
СТРАННЫЙ СОН ЗЕФИРИНЫ

– Нет… нет… нет… нет…

Собственный стон разбудил Зефирину посреди ночи.

Она зажгла свечу, провела дрожащей рукой по влажному от пота лбу и долго лежала, уткнувшись лицом в подушку, чтобы прийти в себя.

Зефирине приснился страшный, кошмарный сон. Будто она вернулась в круг своих подруг в Сен-Савене. Какой-то монах с зеленоватым лицом, освещенным тысячами свечей, заменил брата Франсуа. Внезапно указав на Зефирину и выставив ее на всеобщее обозрение, священник исступленно завопил: «Еретичка… Схизматичка… Каталептичка[16]». С дьявольским смехом он размахивал руками, и Зефирина видела, как он, словно птица – вестница несчастья, кружил у нее над головой. Внезапно монах преобразился, обретя черты графини де Сан-Сальвадор. У нее на спине тоже были черные крылья. Она кружилась и кружилась под потолком комнаты. Во сне Зефирина знала, что находится в своей постели; но, однако, над головой ее больше не было балдахина. Она лежала вытянувшись, как бы связанная невидимыми нитями, в то время как ее мачеха насмехалась: «Скверная девчонка, мы подарим ее Мартину Лютеру… Схизматичка! Еретичка! Ведьма! Распутница! Чернокнижница!»

При каждом слове донья Гермина вонзала когти в лоб Зефирины.

Внезапно из-за плеча графини показалось лицо этого головастика – карлика Каролюса.

– Ты ничего не заметил? – прошептала графиня Сан-Сальвадор.

– Нет, госпожа!

Каролюс поцеловал длинные, со слегка скрюченными пальцами, руки доньи Гермины.

– Следи за ней. Мы должны дождаться этого момента, только в нужное время, только в должный час… я буду действовать…

«Еретичка… Схизматичка… Прокалываю тебя… Прокалываю тебя и опять прокалываю…»

Голос удалялся. Какой-то скрежет или крик птицы, прозвучавший во сне, разбудил Зефирину. Дрожа всем телом, покрывшись «гусиной кожей», она долго не могла успокоиться.

Рыжеватое пламя свечи освещало дрожащим светом статую Святого Михаила, стоящую в нише. Заподозрив неладное, Зефирина соскочила с постели. Путаясь в длинной рубашке с накрахмаленным воротничком, она влезла на скамеечку и сунула руку за основание статуи. Пусто!.. Там больше ничего не было! Лишь одно имя вспыхнуло у нее в мозгу:

– Каролюс!

Зефирина была уверена, что именно карлик украл медальон. Ну уж он-то за это заплатит! Не чуя под собой ног от волнения и жажды мести, путая сон с явью, Зефирина вновь улеглась в постель, продолжая дрожать. Пелажи поставила на столике у изголовья кровати серебряный стаканчик и графин с мелиссовой водой[17]. Большими глотками Зефирина выпила освежающий напиток. У него был горький привкус. Голова у Зефирины закружилась. Внезапно она провалилась в глубокий сон.

На следующее утро над поместьем Багатель сияло солнце.

Забыв про свои ночные тревоги, Зефирина без чьей-либо помощи торопливо облачилась в рубашку с белым воротничком, поверх которой надела нижнюю юбку с тюрнюром,

[16] Каталепсия – паралич.

[17] Настой лимонной мяты.

затем широкую юбку из голубой кисеи, повязала черной лентой свои рыжие кудри. Подготовившись таким образом, Зефирина сбежала по лестнице. Было еще очень рано. Обитатели замка медленно просыпались.

Выпив бульона из цесарки, что подала ей на кухне Пелажи, Зефирина решила спуститься в парк. На маленькой каменной лестнице она наткнулась на служанку с лицом, изуродованным либо болезнью, либо сожженным при пожаре.

– Как вас зовут? – спросила Зефирина, с трудом пытаясь скрыть свое отвращение.

Девушка бросила на нее лишенный всякого выражения взгляд, потом отвернулась, ничего не ответив.

– Я ее не знаю. Кто это? – прошептала Зефирина.

Пелажи пожала плечами:

– Беатриса… несчастная немая… служанка госпожи маркизы. О, она не злая, только немного странная, бедняжка. Одна госпожа маркиза ее понимает и может с ней объясняться. Ты не должна об этом думать, мое сокровище!

Затем, внезапно сменив тему разговора, Пелажи ласково погладила атласную щечку своей обожаемой девочки.

– Я так рада, Зефи, что ты вернулась. Единственное, что требуется теперь, так это подумать о твоем будущем. Я бы так хотела, чтобы ты вышла замуж и удачно вышла за…

Зефирина расхохоталась, заставив умолкнуть Пелажи:

– Замуж! Но у меня еще есть время, Пела!

Приподняв изящным движением подол своих юбок и открыв тонкие сапожки, Зефирина весело спустилась по черной лестнице.

– Боже, защити ее! – прошептала Пелажи, провожая взглядом свое любимое дитя.

Зефирина бегом пересекла общий двор, где находились службы поместья. Она как ураган ворвалась на конюшню.

– Бастьен… Бастьен, где ты?

В ответ на этот призыв высокий парень, обтиравший соломенным жгутом гнедого коня в стойле, поднял курчавую голову, увенчанную тиковым колпаком.

– Бастьен! – повторила Зефирина. – Ты меня узнаешь, надеюсь?

Бастьен небрежной походкой приблизился к девушке, стоявшей в проходе.

– Конечно, мадемуазель. Счастлив вас видеть снова.

Держа колпак в руке, он склонился перед Зефириной без всякого раболепства.

– Но, Бастьен, я не ошибаюсь? Это и вправду ты? – воскликнула Зефирина, ошеломленная холодностью этой встречи.

Избалованная девушка думала, что найдет прежнего маленького товарища по играм, бывшего для нее «козлом отпущения». Сразу узнав это энергичное лицо, озаренное синими глазами, Зефирина, однако, почти оробела, глядя на Бастьена снизу вверх. Теперь он превосходил ее ростом на целую голову. Широкоплечий, в рабочей блузе из рыжей мешковины, слегка раздвинув ноги в штанах с гульфиком, Бастьен был одет, как все крестьяне; Зефирина видела в полях их всегда согбенные спины; однако природная гордость делала юношу каким-то иным, более волевым и гордым, чем простые крестьяне.

– Да, мадемуазель, ошибки нет, это в самом деле я!

Говоря это, Бастьен смотрел на Зефирину с вежливой улыбкой, и никакое чувство не отражалось на его лице.

– Так что же, мы поцелуемся?

С этими словами Зефирина с очаровательной непосредственностью бросилась на шею другу детства. Прежде чем он успел помешать ей, она звучно расцеловала его в обе щеки.

– А знаешь, ты изменился, Бастьен! – сказала Зефирина.

– Вы тоже, мадемуазель!

Бастьен отступал, его щеки внезапно вспыхнули.

– По твоему виду не скажешь, будто ты доволен, что видишь меня вновь! – с упреком сказала Зефирина.

– Вы ошибаетесь, мадемуазель. Я очень рад. Надеюсь, ваше возвращение в замок принесет вам много счастья. Чем я могу вам сейчас служить? Не хотите ли, чтобы я оседлал для вас Красавчика?

– Что с тобой такое? – вскричала Зефирина. – Прекрати называть меня мадемуазель. Да, я хочу поехать прогуляться… Оседлай и себе коня, мы вместе поскачем галопом в имение Поссонньер.

– Сожалею, мадемуазель, у меня есть работа, это невозможно.

Бастьен вновь взял соломенный жгут, чтобы обтирать гнедого коня.

Зефирина топнула ножкой:

– Черт бы побрал твою работу! Я сейчас же поговорю об этом с папой.

Зефирина направилась к дому. В два прыжка Бастьен догнал ее и схватил за руку:

– Простите меня, мадемуазель, будет лучше, если вы не станете ни о чем просить. Госпожа маркиза дала распоряжение… Мы уже не дети… Оставайтесь на своем месте, и все будет хорошо… Крепостной есть крепостной, а господская дочка…

– Папа, я хотела бы, чтобы вы освободили Бастьена от крепостной зависимости!

– Какая любопытная идея, дитя мое! – раздался мелодичный голос доньи Гермины.

Зефирина влетела как вихрь в «низкий зал» своего отца – нечто вроде охотничьего кабинета, в котором по стенам были развешаны оленьи рога, поводки, шляпы и оружие. Она вздрогнула, заметив мачеху, укрытую высокой спинкой кресла. Роже де Багатель отложил в сторону аркебузу, которую чистил.

– Ваша мать права, Зефи! Что это за каприз?

– Папа, я против всякого рабства.

– Какие громкие слова, дитя мое! – вздохнула донья Гермина.

– Ваша мать права, Зефи…

Почти потеряв надежду, Зефирина повернулась спиной к мачехе, чтобы обратиться только к Роже.

– Послушайте, папа, брат Франсуа в монастыре объяснял нам, что рабство безнравственно. Я знаю, что он прав.

– Безнравственно! – воскликнул Роже де Багатель.

– Именно так, папа. Человек создан для того, чтобы быть свободным и…

– Тсс, тише! Моя дорогая, будьте осторожны! Это еретические идеи! Не так ли, друг мой?

Говоря так, донья Гермина выпрямилась. Она, казалось, была искренне огорчена словами своей падчерицы.

«Еретичка, схизматичка, каталептичка…» Слова из сна громко зазвучали и потрясли Зефирину. Она на короткое мгновение замерла, внимательно разглядывая донью Термину. Чувствуя на себе взгляд этих зеленых глаз, маркиза отвернулась, тогда как Роже де Багатель заговорил в своей черед:

– Ну да, Зефирина, ваша мать права, у вас опасные мысли, дорогая… это лютеранские идеи… Итак, они достигли вас, даже в вашем монастыре, хотя вы не отдаете себе в этом отчета. В крепостной зависимости нет ничего безнравственного, напротив, жаль, что в семьях сервов становится все меньше детей. Бастьену очень хорошо, он счастлив и доволен своей участью… У него есть крыша над головой, он накормлен, одет, чего еще можно желать? Деревенский кюре даже научил его читать и писать!

– Но, папа, Бастьен не свободен! – воскликнула Зефирина.

– Это как посмотреть! – прошептала донья Гермина, поднимаясь и шурша платьем.

– Ваша мать права, Зефи. Многие из наших вольных крестьян были бы рады вновь стать простыми сервами. Мы ответственны за их участь. У этих мужланов всегда есть работа, пища, крыша и очаг; они не должны платить ни подать, ни налог на соль; у них нет никаких забот. Что же они должны взамен? Работать, повиноваться, жить на наших землях… Что они будут делать в другом месте, Зефи, я вас спрашиваю? Нет, ваша мать права…

Выйдя из «охотничьего кабинета», Зефирина прикинула, что отец, должно быть, по меньшей мере, десять раз, сказал: «Ваша мать права».

– У тебя довольно разочарованный вид, рыжая лягушка!

При звуках этого насмешливого голоса Зефирина опустила глаза. Это был Каролюс, и, как всегда, она не услышала его шагов.

– Не обращайся больше ко мне, грязный карапуз, или я выпущу из тебя кишки! – свирепо предупредила его Зефирина.

На тот случай, если карлик окажется непонятливым, пнула его сапожком в лодыжку, чтобы подчеркнуть весомость своей угрозы.

– Уй!.. Уй!.. Злая тварь!

Каролюс, не заставив просить себя дважды, со всей скоростью, на которую были способны его короткие ножки, удрал в вестибюль.

Зефирина несколько раз вздохнула, чтобы успокоиться, потом вернулась назад, решив по крайней мере попросить разрешения у отца, чтобы Бастьен с сегодняшнего дня имел бы право оставлять работу и сопровождать ее на прогулках. Дверь кабинета оставалась приоткрытой. Зефирина замерла. Донья Гермина проговорила серьезно, с торжеством в голосе:

– Вы видите, друг мой? Разве я не была права?

– Я считал, что она слишком молода, но девочка действительно превратилась в настоящую женщину. Нельзя позволить ей бегать по полям вместе с этим сервом.

– Не говорила ли я о ее счастье и о интересах?

– Вы изумительны, друг мой.

– Итак, Роже, когда же вы примете решение?

– В ближайшее же время я переговорю об этом с королем, но вы правы, Гермина, чем раньше, тем лучше.

Шорох шелка возвестил о том, Что донья Гермина направляется к выходу из кабинета. Зефирина проворно спряталась в другой темной комнате. Через щели между панелями она увидела, как промелькнула тень мачехи и в ноздри ударил колдовской запах доньи Гермины. Зефирина подождала еще мгновение. Уверившись, что ее не заметят, она на цыпочках вышла из своего тайника, не зная, стоит ли опять обращаться к отцу. Ее беспокоила очевидная его слабость перед лицом жены. Зефирина поднялась в свою комнату, чтобы основательно поразмыслить и обдумать услышанное.

Что же хотел сказать Роже де Багатель этими словами: «Вы правы, Гермина, чем быстрее, тем лучше!»?

ГЛАВА X
Я УБЬЮ ЕГО! Я УБЬЮ ЕЕ! Я УБЬЮ СЕБЯ!

– Это вам, Зефи! – крикнули в один голос Франсуаза, Жизель и Луиза де Ронсар.

Зефирина схватила шар, чтобы бросить им в кегли.

Вот уже целый месяц после возвращения Зефирина, в сопровождении Ла Дусера, приезжала каждый день после полудня к своей подруге. У нее была тайная надежда увидеть еще раз Гаэтана, но молодой Ронсар был на королевской службе: по поручению короля он пересек Ла Манш, дабы отвезти важные бумаги советникам его величества короля Англии Генриха VIII.

Зефирина пока еще не была представлена ко двору. Отец заверил, что Франциск I хочет назначить ее, когда ей исполнится пятнадцать лет, фрейлиной к доброй королеве Клод. Почти каждый день Роже и донья Термина, сверкающая шелками и драгоценностями, отправлялись к королю в Блуа или Амбуаз, но Зефирина быстро поняла, что «эта Сан-Сальвадор» совершенно не торопится отвезти туда падчерицу.

В сущности, Зефирине это было безразлично. Ей нравилось бывать у Ронсаров. Атмосфера у них была спокойная, простая, веселая и добродушная. Кроме Гаэтана, у Луизы были еще и старшие сестры, Жизель и Франсуаза, обе очаровательные и искренно полюбившие Зефирину. Старший брат, которого Зефирина видела мало, тоже был на службе у короля. Он недавно женился, и его жена только что родила крупного толстощекого младенца – маленького Пьера. Уже способная ощутить материнские чувства, Зефирина любила брать малютку на колени, укачивать его, нежить и холить, ласкать нежную кожу, от которой приятно пахло молоком.

– Маленький Пьер будет таким же хорошим солдатом, как и его отец! – напевала Зефирина.

– О, Зефи, война, вечные битвы… нет… – восклицала молодая мать. – Я бы предпочла, чтобы мой сын стал поэтом! Пусть сочиняет рондо и утренние серенады, а благородные дамы и красивые кавалеры пели бы их при королевском дворе!

– Почему бы и нет! Пьер де Ронсар будет великим поэтом! – решила, смеясь, Зефирина.

В замке Поссонньер всегда гостило множество красивых молодых соседей и кузенов, приезжавших с визитами. Они играли на лужайках в карты, в кости и другие азартные игры; юные девушки разыгрывали пантомимы и устраивали маскарады; молодые люди соревновались в ловкости, играя в лапту. Они даже иногда сражались на палках, но совсем беззлобно, с гордостью демонстрируя силу и умение. Ближе к вечеру госпожа де Ронсар своим звонким молодым голосом читала вслух несколько страниц из модного тогда рыцарского романа «Четверо сыновей Эймона». Сердце Зефирины сильно билось, когда она слушала о приключениях прекрасной Роланды, похищенной незнакомым принцем, но спасенной Белым Рыцарем.

К несчастью, вечером, после всех этих восхитительных развлечений нужно было возвращаться в Багатель. Обстановка в поместье становилась все более и более невыносимой. Зефирина чувствовала, что за ней шпионит Каролюс и наблюдают колючие глаза мачехи.

Ее презрение и отвращение к Рикардо де Сан-Сальвадору становилось с каждым днем все сильнее. Она обнаружила, что, помимо обжорства, мальчик отличается грубостью, злобностью, неизменной жестокостью и бесхарактерностью.

Несколько дней тому назад, когда Зефирина шла на конюшню, какие-то слабые стоны привлекли ее внимание к курятнику. Там она увидела ужасную картину. Старый пес Балтазар с заткнутым кляпом пастью был привязан к колышкам за все четыре лапы. Чья-то злодейская рука вымазала его шкуру медом и обсыпала зерном. Добрая сотня кур, петухов, цеса-

рок и индюшек яростно клевали его шерсть. Несчастное животное, один глаз которого уже окрасился кровью, могло лишь жалобно стонать от боли. Усевшись на крышу курятника, Рикардо де Сан-Сальвадор наслаждался этим зрелищем, корчась от смеха.

– Вы чудовище! – зарычала Зефирина.

Не обращая больше внимания на мучителя, она поспешила в курятник, чтобы освободить Бальтазара.

– Ну-ка, убирайтесь, глупые птицы! – кричала Зефирина, стоя посреди квохчущих кур.

– Ну вот, уже и развлекаться нельзя!

Рикардо де Сан-Сальвадор спрыгнул со своего насеста и, насвистывая какую-то дерзкую мелодию, стал подходить к Зефирине.

Зефирина, не боясь испачкаться, освободила Балтазара от пут. Несчастный пес тут же удрал, а Зефирина в упор посмотрела на Рикардо. Ее глаза метали угрожающие молнии, а губы дрожали от возмущения.

– Я запрещаю вам прикасаться к Балтазару!

– Вы ничего не можете мне запретить, рыжая! – сказал насмешливо сын доньи Гермины.

Это уж было слишком! Зефирина вскипела:

– Гнусный тип!

Наклонив голову вперед, как разъяренный бык, она бросилась на подростка. Тот не был готов к такому внезапному нападению. Сильным ударом она столкнула его в яму с навозной жижей.

– Зассыха! Я тебе отомщу! Я скажу об этом матери! За кого ты себя принимаешь, засранка!

– Сам ты засранец! – расхохоталась Зефирина, глядя на испачканное лицо и воняющую одежду юноши.

– Что случилось, мадемуазель?

Услышав крики, с конюшен прибежал Бастьен. Рикардо де Сан-Сальвадор поднялся:

– Ха-ха! Вот и он, твой любовник! Он красив, этот лакей… Все знают, что ты с ним валяешься на соломе! Что он с тобой делает, эта свинья? Какой-то конюх… У нее жжет в заднице и спереди… у этой рыжей… Ошеломленная Зефирина смотрела, как Рикардо де Сан-Сальвадор отплясывает какую-то бешеную джигу. Внезапно она издала вопль: Рикардо схватил ее за локоть своей рукой, с которой стекала навозная жижа, и злобно потянул к яме. Тотчас же Бастьен встал между ними:

– Пойдите вымойтесь, господин Рикардо!

Неторопливым, но уверенным жестом Бастьен отстранил подростка.

– Лапы прочь, грязный лакей. Я – не рыжая… У нее жжет в заднице… и спереди…

Рикардо де Сан-Сальвадор удалился по направлению к господскому дому, напевая свою песенку.

С горящими от стыда щеками, ощущая смущенный взгляд Бастьена, Зефирина повернулась, чтобы пойти к конюшням. На глазах у нее навернулись слезы. Найдя убежище в одном из пустых стойл, она дала волю своей ярости.

– Я его ненавижу! Презираю вместе с его ужасной матерью! Мой отец во власти этой женщины! Я… я ничего не могу больше сделать… Эти Сан-Сальвадор здесь хозяева. Кроме Пелажи, ты мой единственный друг, Бастьен… За мной шпионят. Теперь я даже не смогу приходить поговорить с тобой по вечерам, когда ты чистишь лошадей…

Зефирина подняла на юношу залитые слезами глаза. Он покачал кудрявой головой:

– Нет, мадемуазель, я вам уже говорил. Вы не хотели мне верить, но сами дали повод этим толкам. Я ваш друг и сделаю для вас все, но не нужно, чтобы «они», в замке, знали об этом.

– О, Бастьен! Бастьен! Я так несчастна!

И зарыдав сильнее, чем прежде, она упала на грудь своего старого товарища по играм. Бастьен внезапно побледнел. Сделав над собой страшное усилие, он обнял одной рукой по-братски плечи Зефирины, второй схватился за край кормушки так сильно, что сделал себе больно.

– Ну-ну, я не хочу, чтобы ты плакала, Зефи, – прошептал Бастьен, внезапно назвав ее на «ты», как в детстве. – Ты создана, чтобы смеяться и петь; ты словно солнце, сияющее на шкурке маленькой саламандры… Помнишь, как мы были в Париже и чуть не спалили ригу и даже весь квартал…

Зефирина не смогла удержаться от смеха сквозь слезы. Все так же прижимаясь к этому широкому и горячему плечу, она подняла рыжую голову.

Внезапно став серьезным, Бастьен провел шершавым пальцем по ее щекам, будто хотел навсегда стереть с них слезы. Зефирине стало хорошо. Она расслабилась. Ей хотелось бы навсегда остаться в этом положении, под защитой спокойной силы Бастьена. Кровь все быстрее текла по ее жилам, какая-то благотворная теплота поднималась по бедрам. Ноги у нее ослабели, она ощутила желание упасть вместе с Бастьеном на солому, почувствовать его руки на своем теле. Взволнованная Зефирина узнавала странные ощущения, которые познала с Альбиной. Все окружающее исчезло. Ее груди под корсажем набухли. Как бы против воли руки Зефирины обвили шею Бастьена. Она молча влекла его к себе. Смущенный этим немым призывом, Бастьен наклонился и закрыл глаза, тоже готовый потерять голову.

Какая-то лошадь заржала в соседнем стойле. Почти грубо юноша отстранил Зефирину:

– Вы хотите поехать на прогулку, мадемуазель?

– Ох, да…

Зефирина с трудом приходила в себя.

– Я хочу поехать в Поссонньер.

Бастьен постоял с минуту у ворот конюшни, смотря вслед Зефирине и Ла Дусеру, чьи лошади цокали копытами по залитой солнцем дороге. Когда молодой серв вернулся на конюшню, чтобы заняться лошадьми, Каролюс сидел на охапке сена на приоткрытом чердаке.

– Ты давно здесь? – подозрительно спросил Бастьен.

– О, у меня как раз была сиеста[18]! – скорчил гримасу Каролюс, спрыгнув в кормушку, наполненную овсом. – Когда спишь, узнаешь так много!!

Выпустив эту отравленную стрелу, прежде чем Бастьен успел шелохнуться, карлик выбрался на утрамбованную землю и помчался во все лопатки к господскому дому.

– Ну же, Зефи! Вы о чем-то мечтаете, моя дорогая! Вам остается всего лишь два шара, и победа за нами! – воскликнула Луиза.

После первого ловкого броска Зефирина прицелилась последним шаром, чтобы сбить оставшуюся на траве кеглю, но осталась стоять с поднятой вверх рукой, словно застыв в этой позе. Гаэтан де Ронсар, в дорожных сапогах и весь в пыли, шел по аллее и громким голосом повторял:

– O fortunatos nimium, sua si bona norint, agricolas!

Слишком счастливы селяне, если они знают о своем счастье!

– Гаэтан! Гаэтан!

Барышни де Ронсар окружили брата с криками радости. Извещенная о возвращении младшего сына, госпожа де Ронсар прибежала, чтобы прижать его к своему сердцу.

[18] Послеполуденный отдых (исп.).

Державшись чуть сзади, Зефирина прекрасно видела, что Гаэтан, отвечая на вопросы матери и сестер, украдкой на нее поглядывал, стараясь понять, какое впечатление произвела фраза, произнесенная по-латыни.

– Гаэтан, видели ли вы короля Англии?

– Так же, как вижу вас, матушка!

– А как прошло плавание через Ла Манш?

– Нас укачало и я спал без задних ног, сестра!

– Как одеваются английские дамы?

– Хуже вас, сестрицы!

Воспользовавшись тем, что дамы семейства Ронсар рассмеялись и пустились обсуждать манеры одеваться, Гаэтан высвободился из их объятий и приблизился к Зефирине. Он поклонился, сделав широкий взмах своим беретом.

– Мое почтение, мадемуазель де Багатель. Зефирина слегка присела в реверансе, а затем насмешливо бросила:

– Мои поздравления, господин де Ронсар! Не в Англии ли вы сделали такие успехи в языке Цицерона?

– Я сделал это, думая о вас, мадемуазель! – прошептал Гаэтан, не смутившись.

В последующие дни Зефирина не просто скакала к замку Ронсаров, а летела по каменной дороге, изо всех сил понукая Красавчика.

– Клянусь всеми моими сорока восемью метлами, у наших кляч нет крыльев! – протестовал Ла Дусер, у которого не было причины нестись сломя голову, подобно своей юной госпоже.

Когда Гаэтан был свободен от службы у короля, он сопровождал сестер и Зефирину в лес. Они собирали ежевику, грибы и незабудки, что служило поводом бегать, играть и прятаться друг от друга в негустом подлеске. Гаэтан возвращался с полными руками и укладывал добычу в корзинку Зефирины. Пальцы у девушки дрожали, и она чувствовала, как столь же дрожащие пальцы юноши старались ненароком прикоснуться к ее запястьям и ладоням.

– Знаете, когда я увидел вас в первый раз, вы меня очень напугали! – шептал Гаэтан.

– Однако по вашему виду нельзя было сказать, что вы чего-то боитесь! – говорила Зефирина, пряча за улыбкой смущение.

– Вы такая замечательная, Зефирина, такая образованная, если вы мне…

– Гаэтан… Зефи!

Всякий раз, когда Гаэтан собирался добавить что-то важное, Луиза или одна из старших сестер прерывали эту болтовню, к большому разочарованию Зефирины.

В тот день, поймав несколько раков в речке около замка, Гаэтан предложил всем спуститься к Луаре.

С испуганными криками барышни окунали в реку пальцы ног. Сняв сапоги и верхнюю рубашку, Гаэтан смело нырнул. Зефирина стыдливо отвернулась, чтобы не увидеть юношу в нижней рубашке. Присутствие мужчины действовало на нее возбуждающе. Чтобы вновь почувствовать себя непринужденно, она потянулась за веткой, плывущей по воде, но слишком далеко зашла: песок внезапно ушел у нее из-под ног, и она упала в яму, столь же предательскую, сколь глубокую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.